Н. Л. БРОДСКИЙ.

И. С. ТУРГЕНЕВ

и

РУССКИЕ СЕКТАНТЫ

Издательство Литературного Кружка
„Никитинские Субботники“.

МОСКВА,—1922 г.

Н. Л. Бродский.

И. С. ТУРГЕНЕВ

И

РУССКИЕ СЕКТАНТЫ

Издательство Литературного Кружка
„Никитинские Субботники“.

МОСКВА, — 1922 г.

Гиз. № 580. РЦ. Москва. Вх. № 1478. 2,000 экз.

Типография МОГУБСОЮЗА, аренд. у МСНХ, Мясницкий пр., д. 2.

„Касьян с Красивой Мечи“.

Не замиравшая в течение всего 18 века народная религиозная мысль проявила себя с особой силой в 20 — 40-х годах 19 в. Многообразные причины вызвали это умственное движение русского простонародья: тяжелое социально-экономическое положение закрепощенной массы, отрицательные черты церковной жизни, духовные запросы, не находившие удовлетворения ни в барской культуре ни в „никонианских“ книгах, - все это толкало народную мысль на создание своего мировоззрения—оппозиционного к существующему порядку и дававшего определенные указания к освобождению от темной, рабской жизни. Различные формы принимали эти поиски народной мысли. Одним из ярких ее проявлений была секта *странников или бегунов*, появившаяся в конце XVIII в. и ставшая особенно распространенной в 20—40-х годах прошлого столетия. Учение одного из основателей этой секты Евфимия († 1792), развитое Никитой Семеновым, имевшее талантливых пропагандистов в лице мужчин и женщин крестьянского происхождения—Крайнев, Ирина Федорова, братья Кувшиновы, Петров (горбунчик), отвечало затаенным думам народной массы, указывало реальный земной путь спасения, давая ему в то же время религиозно-нравственную санкцию.

— С 1666 года воцарился на Руси антихрист: Никон лжепророк антихриста, царь Алексей Михайлович был первым рогом двурожного зверя, последним же рогом был сын его Петр I. Сей гордостный князь мира сего был „презлейший и преисподний бес“. С той поры духовная и гражданская власть служат антихристу: новопечатные книги в руках „пустопопов“, возносящих души к отцу своему диаволу; царская власть —*икона сатаны*, воинские и гражданские власти „образ зверя, чувственные бесы, принуждающие в погибельную ересь, укрепляемую царями и князьями века сего“. Кто покорится этим властям, тот поклоняется дьяволу. „Вместо законов водворилось везде беззаконие, лихоимцы все грады содержат“ (Евфимий). Во всех присутственных местах „судят и распоряжают по своей похоти, сиречь по злату и по серебру, по мешкам и по штофам, и промежду судей пребывает и распространяет зло противник божий, отец их диавол“ (В. Москвин). Гражданские законы—„Богом ненавидимые, кривосказательные, духоборные книги“, святейший синод—„жидовский синедрион“, правительствующий се-

нат—„антихристов совет“,—„во всем дух антихристов возвея нас“. Рассматривая под таким углом зрения существующий порядок, деля мир на „град небесный“ и „Вавилон“, Евфимий и другие учителя согласия бегунов отвергали всякое подчинение власти и правительству, решительно высказывались против всех основ и учреждений государственной системы, отрицали присягу, подати, оброки, рекрутскую повинность, право собственности, паспорты и т. д. Чтоб спастись от этого царства антихриста, уловляющего в свои сети всяческими средствами, чтоб прекратить это „нуждное и тяжкое“ время, „житие гонительное“, надо избрать „единственно спасительный путь“—*бежать* от антихриста, „достоит таитися и бегати“, „не имети града ни села ни дому“. Кто примет новое крещение, тот в правду и премудрость облачится, тот — подлинный „христианин“, „христов человек“ [1]).—

— Это учение, призывавшее к разрыву с общественным ярмом, со всем ненавистным, что давала окружавшая жизнь, оправдывавшее давнюю склонность русского простонародья к бегству от разных горя-злосчастий, затрагивало за живое умы и сердца народные, возвещало всем закрепощенным и алчущим новой жизни светлый свободный путь.

„Горько-думная житейская искушенность, горько-прочувственные, горькопрожитые тяготы, горе жизни, несвободного труда, трудного семейного прокормления, подати, рекрутчины, фабричной и заводской безхозяйственности, поме-

---

[1]) Подробное изложение догматики, социального учения и вообще истории секты бегунов в следующих трудах: 1) Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Выпуски 2 и 4. Лондон. 1861, 1862; 2) Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губ. 1854 г. П. И. Мельникова. „Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии“. Том IX, 1910 год, ч. II, стр. 204—226; 3). Ив. Аксаков. Странники (из истории раскола). „Русский Архив“ 1866 № 4, стр. 602—644 (здесь же статья Л. Трефолева); 4). А. П. Щапов. Земство и раскол. II. (Бегуны). „Время“ 1862, № 10, II (перепечатано в „Сочинениях“ т. I. Спб. 1906 г., стр. 505—579); 5). А. Розов. Странники или бегуны в русском расколе. „Вестник Европы“ 1872 № II, 12; 1873 № I; 6). Ив. Пятницкий. Русский сектант в своей истории. „Странник“ 1884 май, июнь, июль (стр. 71; 235; 513); 7). П. Ш. Странники или бегуны в 1850 году. „Русская Старина“ 1884 май; 8). Странники. Очерк из истории раскола. И. Н. Харламова. „Русская Мысль“ 1884 № 4, 5, 6; 9). Проф. Н. Ивановский. Старообрядческое бегунство в его прошлом и настоящем „Странник“. 1892, т. II, июнь-август (стр. 279; 456); 10). Его же. Внутреннее устройство секты странников или бегунов. Спб. 1901. 11). Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Под редакцией В. Бонч-Бруевича. Выпуск. I. Спб. 1908. Бегунские стихи, сообщил В. И. Срезневский. 12). С. В. Максимов. Бродячая Русь Христа ради, ч. II, Сочинения, изд. „Просвещения“. — Сочинения Ливанова„ Раскольники и острожники“ Спб. 1868; Пругавина „Вредные секты“ „Русская Старина“ 1884 № 3; К. Попова „Раскол и его путеводители“. Изд. II, Москва 1901 не вносят ничего дополняющего к указанным трудам, написанным на основании первоисточников, и частью относятся к более поздней поре, чем интересующие нас 40—50 годы.

щичьего ига, чиновнических нападок, обид и грабительств, цеховой и гильдейской закрепленности, безземельного тяжелого приобретания средств к жизни и казенных уплат —все это (по прекрасной характеристике А. П. Щапова) разом затронуто было учением бегунов. Все это и прежде так и наводило на мысль, что бегство, отрицание на деле всего того, что тяготит жизнь, — единственный путь спасенья и свободы“ — сектанты-бегуны возвели принцип бегства в догмат, бегству придали религиозную санкцию, в бегстве указывали путь спасенный [1]).

Люди с различным жизненным укладом, но все недовольные своим житьем-бытьем, алчущие новых путей, с новыми запросами мысли находили желанные отклики в учении бегунов, в странничестве встретили исцеление от своих мук. Здесь в этой секте было преимущественное место всем тем, о ком говорит раскольничий стих:

Душа своей пищи дожидается,
Душе надо жажду утолить.
Потщися душу свою гладну не оставить. [2])

В конце 40-х годов секта бегунов была открыта в Ярославской губ., в селе Сопелках. Специально командированная для ее изучения правительственная комиссия под председательством графа Стенбока-Фермора принуждена была отметить глубочайшее влияние *странников* на народные массы [3]). „Из массы писем, песен, стихов, поучений и рукописных сочинений“ [4]) раскрылось самое учение, а из показаний арестованных сектантов выяснилось, что район сектантской пропаганды был чрезвычайно обширен: „Область учения странников раскинулась широко (говорит исследователь секты А. Розов), начиная с Твери через Москву, Ярославль и Владимир до Каргополя и, следуя из того же пункта водным путем „по Божьей дороге“, захватывала Астрахань и Камышин прикаспийские, имея приверженцев в Сибири и в Закавказском крае [5]). Сотни лиц попали в руки комиссии, несколько десятков умерло в остроге, не дождавшись конца следствия—и тако все лето то (1850) столь было горестно христианам странствующим (вспоминает неизвест-

---

[1]) Сочинения А. П. Щапова, т. I, стр. 550, 515.

[2]) А. Щапов, т. I, стр. 542 и И. Аксаков „Русский Архив“ 1866, стр. 637.

[3]) „Целая половина (Ярославской) губернии тайно или явно принадлежала к расколу“—писал чиновник министерства внутренних дел, нарочно командированный в Ярославскую губ. для розыскания. А. Розов. „Вестник Европы“ 1872 № II, стр. 260 (цитата приведена из „Истории министерства внутренних дел“, т. VIII, стр. 528). Ср. факты в „краткой записке о странниках или бегунах“ И. С. Аксакова „Рус. Архив“ 1866, стр. 635 и у В. Кельсиева, О. С., вып. II, стр. 56 (в записке о странниках чиновника мин. внут. дел Алябьева).

[4]) Признание П. Ш., одного из чиновников мин. внут. дел, автора записки о бегунах. „Рус. Старина“ 1884, май, стр. 443—444.

[5]) „Вестник Европы“ 1872, декабрь, стр. 538—542. Ср. А. П. Щапове, т. I, стр. 556—560.

ный *странник* - летописец того времени)... Во всех местах была нестерпимая скорбь: иногда христиане не имели где глав своих приклонити... Во истину тогда плача достойное было зрелище [1]).

В числе членов правительственной комиссии был Иван Сергеевич Аксаков, выехавший в Ярославль в мае 1849 г.

В начале 1851 г. комиссия окончила свои занятия. Иван Аксаков в апреле вернулся в Москву и здесь закончил обширную (до 600 стр.) деловую записку об этой секте [2]).

В том кружке русской интеллигенции, к которому принадлежал Аксаков, всегда живо интересовались многообразными проявлениями народной жизни, в частности религиозной. Своеобразное учение бегунов, многие оригинальные типы, связанные с сектой и прошедшие перед глазами Аксакова, все должно было вызывать бесспорный интерес в славянофильском гнезде Аксаковых, Хомякова, Киреевских; в лице Ивана Аксакова была живая хроника *бегунства* — и те, кто интересовался народною жизнью, от него могли получить и яркие и разнообразные подробности об этой секте, вызвавшей сильный переполох в оффициальных кругах, увидевших непрочность священных догматов знаменитой уваровской формулы [3]).

---

[1]) „Странник", 1884, т. II, стр. 527.

[2]) Повидимому, в марте 1852 г. „Русский Архив", 1866, № 4, стр. 644.

[3]) И. С. Аксаков не раз писал своим родным об этой „совершенно новой, оригинальной и опасной секте". Первое упоминание встречаем в письме из Любимова от 25 июня 1850 года, затем находим изложение учения бегунов в письмах от 14 августа, 28 сентября 1850 года и разные подробности о сектантах в письмах от 7 авг., 24 авг., 14 сентября, 9 октября, 30 окт. того же года. И. С. Аксаков сам записывал показание одного бегуна, „бродившего лет 15 сряду и знакомого со всем бытом и историей этой невидимой для нас жизни"; был в самом гнезде бегунства—в селе Сопелках; видел „раба христова" Якова Федорова; разыскивал рукописные сочинения странников; читал среди других раскольничьих рукописей сочинения Евфимия, основателя секты, и Никиты Семенова. Так как письма И. С. Аксакова перлюстрировались (что ему было известно), он не мог делиться с близкими ему людьми всеми известными ему материалами; писал отцу, что ему „нельзя сообщать все подробности разврата нравственного этой секты", „*неудобно* писать длинные и подробные" письма, что об этом „теперь не время распространяться", и, убежденный, что составляемая им на основании многочисленных материалов статья будет „любопытной", обещает „при свидании рассказать все подробно". И. С. Аксаков виделся с родными во время производства следствия над сектантами дважды — в июле 1850 года и в декабре того же года (в последний раз он провел три дня в Москве). Помимо писем и личных разсказов И. С. Аксакова его родные кое-что могли знать о секте через кн. А. В. Оболенского, члена той же Ярославской комиссии, проездом через Москву бывавшего в семье Аксаковых: 19 ноября 1850 г. И. С. Аксаков писал своим, что кн. Оболенский „может им сообщить разные интересные сведения", а из письма от 26 февраля 1851 года узнаем, что И. С. Аксаков через князя Оболенского посылал в Москву какие-то „*важные* бумаги" (курсив оба раза И. Аксакова). — „Иван Сергеевичь Аксаков в его письмах. Часть I Учебные и служебные годы. Том II Письма 1848—1851 годов", Москва 1888, стр. 329, 334, 337, 339 — 340, 343, 344, 348 — 349, 350. 351—52, 354, 357, 360, 364, 365, 366, 387.

К 50-м годам относится период сближения с семьей Аксаковых И. С. Тургенева. В двадцатых числах декабря 1849 года он познакомился с С. Т. Аксаковым и стал часто бывать в этой семье: в начале января 1851 г. он несколько раз присутствует при чтении отрывков „Записок ружейного охотника“; С. Т. Аксаков извещает своего сына Ивана (26 января 1851 года), что Тургенев был у него „третьего дни, вчера и будет сегодня“; Тургенева, заболевшего в середине января 1851 г., два раза посещает К. С. Аксаков; в начале февраля Тургенев собирался прочесть С. Т. Аксакову из „Записок Охотника“, но „какие-то неожиданные обстоятельства его захватили и он даже уехал, не видавшись со мной (писал 6 февраля 1851 г. С. Т. Аксаков в Ярославль к И. С. Аксакову); простился двумя нежными письмами“ [1]).

Общение Тургенева с семьей Аксаковых имело для него огромное значение: творец „Записок Охотника“, искавший и находивший в народной массе „целые, не надломленные характеры, одностороннетвердые нравственные убеждения“ [2]), в беседах с славянофильской семьей и ее друзьями мог почерпнуть благодатный материал для понимания коренных начал народной жизни. Неслучайно, что наиболее значительные крестьянские образы—Герасим, Касьян, Аким—были созданы как раз в эти годы—1851—1852 [3]). Под влиянием славянофильских веяний Тургенев углубленно понял и „власть земли“ над мужицкой душой и религиозную жажду крестьянской массы. Письма И. С. Аксакова из Ярославской губ. казались его близким столь интересными, что их читали знакомым, друзьям, напр., Хомякову, Гоголю [4]). Вполне возможно, что С. Т. Аксаков, читавший Тургеневу стихотворение И. С. Аксакова „После 1848 года“ (25 января 1851 года) и желавший, чтоб его сын познакомился с Тургеневым („он мне очень нравится“) [5]), передавал последнему

---

[1]) Письма С. Т. Аксакова к И. С. Аксакову за 1850 г. не сохранились, но если принять во внимание частые посещения Тургеневым семьи Аксаковых в 1851 году, то можно сказать с уверенностью, что он так же часто бывал у С. Т. Аксакова и в 1850 году, во время своего пребывания в Москве, напр., в ноябре и декабре. Приведенные факты, см. в „Русской Мысли“ 1915 кн. 8. Материалы по истории русской литературы и культуры. И. С. Аксаков в Ярославле. Сообщил А. А. Дунин, стр. 125, 126, 127, 128, 129.

[2]) Цитата из предисловия к роману Ауэрбаха „Дача на Рейне“. Кому бы ни принадлежало это предисловие—Тургеневу или Л. Пичу, оно точно передает настроение Тургенева в конце 40-х, начале 50-х гг.

[3]) См. оживленную переписку И. С. Тургенева с Аксаковыми в 1852 году и за след. годы. „Вестник Европы“ 1894 № 1, 2. Письма Аксаковых к Тургеневу в „Русском Обозрении“ 1894 № 8—12. „Новое Время“ 1900 № 8626.

[4]) „Русская Мысль“ 1915, кн. 8, о. с., стр. 111

[5]) Там же стр 128.—И. С. Аксаков упоминает о Тургеневе в письме к брату Константину еще в ноябре 1845 года.—„И. С. Аксаков в его письмах“. Часть I, том I, стр. 276—„Я очень рад, что Тургеневу понравились стихи“—писал он отцу 28 янв. 1851 г. О. с. т. II, стр. 275.

содержание тех писем, где Иван Аксаков рассказывал о секте бегунов. Таким образом возникает предположение, что Тургенев мог знать о сектантах-странниках в конце 50-го или в начале 1851 года, до появления в печати рассказа „Касьян с Красивой Мечи" („Современник", 1851, № 3, март) [1]), в котором я вижу поэтическое воспроизведение *странничества*, сектантского *бегунства*. Нет ничего невероятного и в другом предположении, что Тургенев, обещавший в феврале 1851 г. прочитать С. Т. Аксакову из „Записок Охотника", имел в виду именно этот рассказ, так как „Бежин Луг", напечатанный во второй книжке „Современника", мог быть уже известным почитателю его таланта. Но если первое и второе предположения остаются только возможными догадками, если правильней думать, что при встрече с Касьяном Тургенев не припоминал аксаковских рассказов о сектантах-бегунах и в процессе творчества подчинялся лишь своей художественной интуиции, не осложненной никакими наносными примесями, то не подлежит сомнению, что при первых же встречах Ивана Аксакова с И. С. Тургеневым между ними шла беседа о расколе, сектантстве, странничестве: 27 декабря 1851 И. Аксаков сообщает Тургеневу, что с оказией пришлет ему „известный стих", а в письме 4 января 1852 г. мы находим следующие строки: „посылаю вам *с оказией* раскольнический стих. Он переписан во всем согласно с подлинником: даже все ошибки и правописание, все неясности и непонятные слова удержаны. Не почему поправить, да и не возьму я этого на себя; но нет сомнения, что рукопись, которая у меня в руках, есть список и, вероятно, неправильный с другой рукописи. Но нужды нет: характер, дух всей песни слышится и чувствуется достаточно". Этот раскольнический стих, по всей вероятности, как думает и Л. Майков, был тем *бегунским* стихом, который приведен И. С. Аксаковым в его деловой записке о сектантах. Рассказы И. С. Аксакова вскрыли перед Тургеневым подробности сектантского движения и заставили его внести некоторые характерные изменения в текст рассказа: антицерковные настроения и типовое значение Касьяна подчеркнуты

---

[1]) Н. М. Гутьяр неправильно указал на 4 № („Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева" 1910, стр. 18). Повидимому, рассказ вчерне был набросан еще в 1850 году, но что-то было неясное для самого автора--он не мог даже озаглавить своего очерка. В рукописи „Певцов", в первой редакции, носившей заглавие „Притынный кабачок" (рассказ был напечатан в XI кн. „Современника" 1850 г.), Тургенев набросал в хронологическом порядке, не без ошибок впрочем, перечень рассказов в серии „Записок Охотника",—и вот среди 24 номеров каждый рассказ озаглавлен и лишь под 21 № оставлено пустое место: „Бежин Луг", ранее „Касьяна" появившийся в „Современнике", стоял под 22 №. В журнале—„Касьян" помечен был нумером XXI.—XXVI том „Современника", где находился „Касьян", имел цензурную помету февраля 28 дня 1851 г. — Первоначальное заглавие рассказа—„Касьян Блоха"—зачеркнуто было автором в черновой рукописи („Историч. Вестник" 1883, стр. 98).

были Тургеневым в отдельном издании „Записок Охотника“ 1852 года, чего не было на страницах „Современника“. Но придавая известное значение за рассказами о секте И. С. Аксакова, как фактором, игравшим роль в творческой обработке „Касьяна“, прежде всего следует отметить в авторе повести дар изумительного интуитивного постижения народно-религиозного движения.

Помог, конечно, и счастливый случай встретиться с ярким носителем сектантской психологии, но рассказ дает такую правдивую передачу *странничества*, соответствует такому множеству характерных черт сектантской идеологии, что может заменить обширные исследования, документальные архивные разыскания,—впрочем, такова обычная сила подлинно-поэтического воспроизведения жизни. Тургенев открыл новый мир народной жизни, коснулся глубоких тайников русской религиозной мысли. Бесспорно, встретившись с Касьяном, Тургенев не знал, что пред ним один из членов секты бегунов; образ сектанта вырисовался перед ним позже, после написания рассказа, в итоге бесед с И. С. Аксаковым. Знакомство при посредстве последнего с идейным содержанием секты и степенью ее влияния на народные массы привело Тургенева к осознанному представлению о Касьяне, как бегуне.

Процесс постепенного и углубленного осознания сказался на тексте повести: редакция „Современника“ имеет несколько характерных деталей, позднее измененных автором. Так, на страницах журнала отсутствовали важные строки, характеризующие *типичность* Касьяна-странника: „и не один я грешный... много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут... да...“ В журнальном тексте Касьян говорит: „случится, так в церкви Божией на крылос меня берут по праздникам. Я службу знаю“ (стр. 133). В отдельном издании эти строки выброшены, как не идущие к образу сектанта, неприемлющего церкви. Странничество Касьяна, его неоседлость автор тонко подчеркнул, выпустив заключительные строки, бывшие в черновой рукописи и в „Современнике“: „Я с тех пор не видал Касьяна. Его слышно, опять вернули на Красивую Мечь“ (стр. 140). „Там места привольные, речные, гнездо наше“, говорил Касьян о Красивой Мечи. Оставив Касьяна на выселках, где „теснота, сухмень“, автор сохранил в воображении читателя Касьяна мечтающим о приволье, устремленным к тем местам, откуда „далече видно, далече“... Все эти штрихи усиливают представление о Касьяне как о сектанте-страннике и, вне сомнения, появились в рассказе в итоге бесед Тургенева с И. С. Аксаковым.

Своеобразен был душевный мир Касьяна, необычна речь,— все поражало в нем Тургенева, с изумлением всматривавшегося в этот новый для него тип народной среды. „*Странный*

старичок", *„странный* старик", *„странный* взгляд" [1]), *„странное* выражение лица", *„странный* язык",—иным эпитетом не определяет Тургенев своего отношения к герою рассказа.

„Человек необыкновенный", „удивительный", „несообразный", „чудной"—таков Касьян в понимании кучера Ерофея.

Оба—и барин, забавляющийся охотой, и представитель косной стихии, „хорового" начала народной жизни, оба видят в Касьяне явление необычайного порядка, оторвавшееся от „устоев" обыденной жизни—один всматривается с интересом, пытаясь понять загадочную фигуру, другой смеется, глумится над „юродивым", „отбившимся от рук"...

Касьян, действительно, не походил на обычных земледробов: он отрицал все „устои", отвергал многое из того, что было освящено бытом, преданием.

По словам Ерофея, Касьян „дома не усиживался: такой беспокойный—уж точно блоха... болтается, что овца беспредельная". Сам Касьян о себе говорит: „человек я бессемейный, непосед. Да и что! много, что ли, дома-то высидишь?". Отказом от семьи Касьян порывал с одной из господствовавших бытовых форм и выполнял предписание *странников* „брак почитать скверною, смертным грехом, жить безбрачно" [2]). На вопрос: „и родни у тебя нет?"—Касьян „замялся" и ответил: „есть... да... так". [3]) Этот неопределенный ответ с уклоном в сторону отрицания родни,—как будто она есть да не существует для него—указывает, что Касьяну близки слова главного столпа бегунства, Евфимия: „за любовь к домашним и сожаление с ними расстаться—душа должна погибнуть" [4]). Как учитель *странников* говорил, ссылаясь на Евангелие, что „всяк, иже оставит дом или братию... имене моего ради, сторицею приимет и живот вечный наследит" (Мф. XIX, 29), что для спасения души должно быть житие не *пространное*, но *странное* (как и сказано у Кирилла Иерусалимского), так и Касьян об'ясняет, что он „бессемейный", не потому, как думает барин, что „перемерли" семейные, а по религиозным мотивам: „это все под Богом, все мы над Богом ходим; а справедлив должен быть человек,—вот что! *Богу угоден, то-есть*" [5]).

Не приемлет Касьян и права частной собственности, купли-продажи: „у нас купцы рощу купили,—Бог им судья, сводят рощу-то, и контору выстроили, Бог им судья". Для него чужды эти приобретательские интересы: он помнит одну из основных идей первоучителя странников Евфимия —

---

[1]) Выражение повторяется три раза.

[2]) „Вестник Европы", 1873, № I, стр. 270.

[3]) Ерофей передает любопытную биографическую подробность: Касьян „сперва с дядьями со своими в извоз ходил... потом бросил", зажил одиноко.

[4]) „Вестник Европы", 1872, XI, стр. 300.

[5]) Курсив наш.

„*свое*—сей глагол св. Златоуст проклятым и скверным называет; глагол мое от дьявола, рече, введеся; *вся бо вам общая сотворил есть Бог*“ [1]).

Да и стоит ли строить контору, наживать, заботиться о мирском, прилепляющем к миру; ведь, сказал пророк: „сеете в тлю семена ваша; всуе страждуще труждаете нивы ваша, созиждут грады и не могут пожити в них; насадят винограды и не могут вкусити от плода их“ [2]). Страннику—„христианину“, „Христову человеку“ не нужна собственность.. Вот почему Касьян отказывается от денег, предлагаемых барином: „Сделай одолжение... я... я заплачу“.— „Не надо мне твоей платы“—говорит он. Уезжая, охотник снова предложил ему за услугу немного денег: Касьян, „сперва было не принял (их), но потом, подумав и подержав их на ладони, положил за пазуху“. А на вопрос Тургенева, *продает* ли он соловьев, ответил: „*отдаю* добрым людям“; желание барина купить грибы у Аннушки быстро отклонил, сказав: „да вы там, все равно, дома купите, когда захотите“...

Несмотря на страшную бедность,Касьян упорно отказывается от денег и, если взял их, то после долгого колебания: в двух толках странников „деньги отвергаются как греховная вещь (и) потому, что на них имеется герб с изображением антихриста или имя его“ [3]); разрешается деньги расходовать лишь на покупку воска для свечей или других необходимых вещей, можно и милостыню подать кому-либо из своих... [4])

По учению толка Антипы Яковлева, работать и трудиться не должно, а только молиться и учить [5]); все люди, по учению бегунов, приписанные к цехам и гильдиям, учреждениям и лицам, вынужденные платить подати, оброки, занятые казенным делом, не свободны от работы вражьей, находятся во власти Антихриста („ибо Антихрист души людей подушным окладом себе подчиняет“), творят дело противное истинной вере.

Вслушаемся в диалог Тургенева и Касьяна:

— Скажи пожалуйста, Касьян... чем ты промышляешь?

Он не тотчас отвечал на мой вопрос. Его взгляд забегал на мгновение.

— Живу, как Бог велит, — промолвил он наконец: — а чтобы, то-есть, промышлять — нет, ничем не промышляю.

— Что ты делаешь?

— Как делаю?

---

[1]) „Вестник Европы“ 1872, ноябрь, стр. 301. Ср. А. П. Щапов, т. I, стр. 576.

[2]) „Вестник Европы“ 1872, XI, стр. 300.

[3]) Вестник Европы 1873, 1, стр. 288.

[4]) Проф. Ивановский. Внутреннее устройство секты странников или бегунов, стр. 29-30.

[5]) Вестник Европы 1873, 1, стр. 288.

— Чем ты занят?

Старик помолчал.

— Ничем я этак не занят...

Об'яснение Касьяна, что он „работник плохой", „здоровья нет и руки глупы", нельзя принимать на полную веру: хотя и Ерофей говорит: „ну, конечно, что он за работник, — в чем душа держится", но при этом добавляет: „ну, а все таки...", то-есть и ему кажется, что Касьян мог бы что-то делать и другое, кроме ловли соловьев... А беспокойное состояние, овладевшее Касьяном при расспросах барина, и неохотные несложные ответы свидетельствуют, что есть, по понятию Касьяна, настоящее дело-работа, подлинный труд, сопряженный с подвигом, да нельзя о нем говорить со всяким встречным, тем более мирянином из „темного Вавилона"... Касьян знает, опасность может быть от неизвестного человека в „немецком платье": [1]) вот почему, увидав барина, он тотчас вскочил на ноги и забормотал не только спросонья: „Что! что надо? что такое?" Он не хочет помочь охотнику, „для потехи своей" убивающему птиц, проливающему „кровь живую", — лишь еретики „кровь животных едят в сахаре и колбасах", за что осуждал раскольников Никита Семенов. [2]) Касьян „нехотя, отрывисто" отвечал на вопросы барина, сам не заговаривал, „упорно" предпочитая оставаться безмолвным („в течение часа он не произнес почти ни одного слова"), и „весьма холодно простился" с ним... Для Касьяна этот человек один из тех, кто особенно близко связан с „миром сатанинским": душевладелец, власть имеющий над человеком, охотник-убийца, он не „христианин", с ним нельзя иметь общения. [3])

Отрицая собственность, семью и другие общественные учреждения, Касьян отрицает вообще весь мир, стоящий над ним, все установления, лишившие человека „довольства", изгнавшие из жизни „справедливость". „Справедливости в человеке нет" — говорит Касьян: „а справедлив должен быть человек... Богу угоден, то-есть"; „не один я грешный... много других хрестьян в лаптях ходят, по миру правды ищут"... Нет в этом мире *правды*, нет *справедливости*, — таково общее мировоззрение Касьяна.

„Все идет против Бога и все против правды", восклицал его духовный отец, Евфимий.

---

[1]) В. Кельсиев, о. с., вып. 4, стр. 277.

[2]) Там же.

[3]) „Вестник Европы" 1873, 1, стр. 276. Ср. понимание Касьяна критиком „Москвитянина": „Сначала Касьян с каким-то недоверием, несколько даже враждебным, чуждается незнакомого человека, неохотно поддается на услуги... и нельзя иначе! Загнанный всеми, он по неволе стал боязлив и дик.. потом он обошелся-расходился, стал высказывать свои задушевные мысли." (1851 № 7 апрель, стр. 422).

Скучно жить в стране безбожной
Без святого алтаря,
Где святой закон в заразе,
Нету истины следа.
Вот и снова злое время
Над вселенной взяло власть,
Утаено правды племя,
Терпят кроткие напасть [1])

пел другой наставник бегунов, Никита Семенов.

До конца тлеет благочестие,
Процветает ныне все нечестие [2])

повторяет вслед за ними еще один автор бегунского стиха, а на картине, изображающей ветвистое дерево, окруженное разными добродетелями в виде плодов, которые держат ангелы с подписями названия добродетелей - друзей человека, знаменательные слова: „1-ый друг-*правда*“... [3]) Мог ли дорожить этим миром Касьян, когда в бегунском стихе пелось:

Все земное, честь и слава
Что мне пользы могут дать?
Для души они отрава,
Их желаю избегать. [4])

Оставался один путь спасения—*бежать* из царства зла, насилия, неправды... Об этом пути твердили все книги, все наставники, пелось в стихах.

Касьян был грамотный: „разумею грамоте. Помог Господь да добрые люди“ — говорит он. [5]) Мы знаем, в секте странников были начетчики, грамотность ценилась, книги были в ходу: „Цветник“, „Лицевой апокалипсис“ Евфимия, поучения Никиты Семенова, его же „Малый образ ересей или 30-ти ересей“, „Разглагольствие Тюменского странника“ считались наиболее важными памятниками; Никита Семенов, Федор Кривой, Мокий Федоров и многие другие в разных местах собирали паству для поучения... [6])

В тетрадках были свои любимые бегунские стихи... Касьян, по словам Ерофея, „поет хорошо. Этак важнс — ничего, ничего“; барин-охотник подслушал „протяжную песенку“, которую „потихоньку“ пел Касьян, и размер тех

---

[1]) Материалы, под ред. В. Бонч-Бруевича, т. 1, стр. 254. Ср. проф. Ивановский, о. с. стр. 42.

[2]) «Русский Архив» 1866, стр. 630 (Из краткой записки о странниках Ив. Аксакова) Ср. В. Кельсиев, о. с. вып. IV, стр. 292.

[3]) Проф. Ивановский, о. с. стр. 45.

[4]) Материалы под ред. В. Бонч-Бруевича, т. I, стр. 238. См. также стр. 237.

[5]) Ср. показание Осипа Семенова Костромской Комиссии в марте 1851 года: Это учение заимствовал я из книг и от странников в разных местах; с жадностью слушал их учение. В. Кельсиев, о с. вып. IV, стр. 285, (курсив в Сборнике В. Кельсиева).

[6]) Щапов, о. с. стр. 565-567.

двух стихов, что удалось ему подслушать, совершенно совпадает с ритмом бегунских стихов:

А зовут меня Касьяном,
А по прозвищу блоха...

***

Я в миру в грехах родился
Он (Господь) отводит мя от них.

или

Воспой гласом, воспой духом
Воспой милость всю его. [1])

Касьян был не только грамотен — он был начитанный человек: „слова его лились свободно (говорит Тургенев): он не искал их". „Его речь звучала не мужичьей речью: так не говорят простолюдины и краснобаи так не говорят. Этот язык, обдуманно торжественный и странный... Я не слыхал ничего подобного". Язык Касьяна, когда он говорил о своих заветных убеждениях,—язык церковной книги, язык грамотея, начитанного в житиях святых, словах, поучениях древле-церковного содержания.

— А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб—Божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов...

— Я не на муку ловлю (соловушек), не на погибель их живота, а для удовольствия человеческого, на утешение и веселие...

— Против смерти ни человеку, ни твари не слукавить. Смерть и не бежит, да и от нее не убежишь...

— Много ее, всякой лесной твари, и полевой и речной твари, и болотной, и луговой, и верховой, и низовой, — и грех ее убивать, и пускай она живет на земле до своего предела...

В этих речах Касьяна не только излюбленные темы древнерусской учительной письменности, — самый подбор слов, обилие славянизмов ясно говорят о влиянии книги на его манеру речи. Здесь же, в книжных и рукописных сборниках он почерпнул и указания на идеальное построение личной и общественной жизни, нашел исход из сумятицы и неправды, разлитой в мире.

„Тюменский странник" призывал разорвать все связи с обществом, дабы исполнить слова евангельские: „сущии во Иудеи да бегут на горы". Евфимий призывал „бежати в горы и пустыни", ссылаясь тоже на евангелие (Матф. XXIУ—16), на слова Ефрема Сирина (105 ое), Ипполита папы Римского и др. святоотеческие писания; наставник Осип Семенов заявлял следственной комиссии в марте 1851 года „узнать истину невозможно иначе, как избежанием властей и живя в пустыне".[2])

---

[1]) Материалы под ред. В. Бонч-Бруевича, I, стр. 236.
[2]). В Кельсиев, о. с., вып. IУ, стр. 284.

Бегунский стих пел:

И о том опять сумнился,
Что спастись в миру нельзя,
И о том опять решился
Итти в темные леса.
И с родными я простился...
И к ним я слово продолжал
О спасении сказал,
Что спасение полезно
В отдаленности от вас. [1].

***

Царство, други, оставляю...
Ты же, дебри и пустыня,
Прими мя во густыню...
Богу живу послужити. [2])
Бежи из мира во пустыню,
В любезну всем святым густыню.
Святии грады оставляли,
В пустыню лучше жить желали [3]).
Окрылись, душе, в крылы твердости,
Растерзай, душе, мрежи прелести!
Ты поди, душе, в чащи темные,
От мирских сует удаленные,
Постигай тамо верных мал собор,
Укрывающихся посреди холмов [4])—

таков основной мотив бегунских стихов.

Под этим влиянием странник Иван говорил: „кто хочет спастися, тот должен оставить все,—дом, семейство и итти странствовать“ [5]); старуха-крестьянка на вопрос, в чем ее вера, отвечала следственной комиссии (1850 г.): „надо бегать; душеньку спасать“[6]).. Сектант бегун не знал „отечества“:

Прощай, отечество мое...
Приказ всевышнего выходит
Мне из отечества итти.
И может солнце где восходит,
Мое жилище будет там,
И где оно заходит,
Там Бог велит вселиться мне [7]).

Касьян, которого опека поселила на Юдиных поселках, вырвав его с Красивой Мечи, где раньше жил он, на вопрос:

---

[1]) Материалы под ред. В. Бонч-Бруевича, I, стр. 236; см. также „Молитва Сопелковца-бегуна“, сообщил А. Можаровский „Русская Старина“ 1879, т. XXУI, стр. 170
[2]). Там же, стр. 235.
[3]). Там же стр. 235,
[4]). Там же стр. 266.
[5]). Вестник Европы 1873, I, стр. 239.
[6]). Русский Архив 1866, стр. 606.
[7]). Материалы, I, стр. 239.

„тебе, чай, хочется на родине-то побывать?“—ответил: „да, посмотрел бы. А впрочем везде хорошо“. Ему лишь жаль, что нет на новом месте холма, с которого „далече видно, далече“. Его тянет туда, откуда „далеко видно... Смотришь, смотришь“. Но чувств, которые можно назвать „оседлыми“, нет в его душе. Ему *везде хорошо*—для него нет гнезда, нет границ, его отечество — весь мир... И он в нем *странник*... Как в бегунском стихе поется, что Господь „веру правую явил и путь истине открыл“ в уходе из мира, в бегстве из него, так и Касьян считает облегчением, исходом из исканий правды жизни путь спасения—*путь странный*. „Да и что! Много, что ли, дома-то высидишь? А вот, как пойдешь, как пойдешь—подхватил он, возвысив голос:—и полегчит право. И солнышко на тебя светит, *и Богу-то ты видней* [1]), и поется ладнее... А то, за Курском пойдут степи, этакие степные места, вот удивление, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот Божья-то благодать! И идут они, люди сказывают, до самых теплых морей, где живет птица Гамаюн сладко-гласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках и живет всяк человек в довольстве и справедливости... И вот, уж я бы туда пошел... Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромен ходил, и в Симбирск славный—город, и в самую Москву золотые-маковки; ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубушку, и на Волгу-матушку, и много людей видел, добрых хрестьян, и в городах побывал честных... Ну, вот, пошел бы я туда... И вот... И уж и... А то, что дома-то, а?“ Касьян весь охвачен трепетом волнения, его речь под конец становится прерывистой: [2]) он раскрывал самое интимное своего *я*—здесь было и видение грядущего и мистическое касание современного. „Справедливости в человеке нет,—вот оно что... Эти последние слова Касьян произнес скороговоркой, почти невнятно; потом он еще что-то сказал, чего я даже расслышать не мог (пишет И. С. Тургенев), а лицо его такое странное приняло выражение, что мне невольно вспомнилось название „юродивца“. Не потому ли лицо Касьяна стало „странным“, что его умственному оку разверзлась страшная картина современного мира, где нет „справедливости“, где нет спасения, нельзя быть угодным Богу, та картина, которую рисовал „Тюменский странник“, видевший в России „телесное и видимое“ присутствие антихриста, [3]) царство сатанинское, „великий град падший, темный Вавилон и адовы темницы

---

[1]). Курсив наш.

[2]). В „Современнике“ автор усилил это взволнованное состояние, заставив Касьяна дважды повторить восклицание *и вот*: „и вот... и уж и... и вот“... (стр. 135).

[3]). В воцарении императора Николая I странники признавали четвертое воплощение антихриста. См. „Вестник Европы“ 1873, январь, стр. 281.

в нем“, где живут „зловерные, злочестивые, люты демоны, кони сатанины, слуги диаволы“ [1])...

— Касьян „потупился, откашлялся *и как будто пришел в себя*“ (рассказывает Тургенев далее) — страшное видение исчезло, волнение улеглось...

„А кто верует — спасется“, произнес Касьян, „понизив голос“. „Истинные рабы христовы побежат в горы и в вертепы и пропасти земные от антихристовы прелести и спасутся“ — учил автор распространенного среди странников „сказания об антихристе“. Не даром Касьян говорит: „как пойдешь, как пойдешь — Богу то ты видней“: в странничестве он видит путь „угодный Богу“...

За что ценил Касьян странничество, что переживал он в своих хождениях по степям,—все так же, как и он, чувствовали и другие сектанты, те „добрые хрестьяне“, которых вспоминает он. Касьян с восхищением говорит о той „Божьей благодати“, что расстилается пред ним, странствующим: „вот удивление, вот удовольствие человеку, вот раздолье то“...

О прекрасная пустыня...
О дивен твой прекрасный сад
И жити в тебе всегда рад—

подсказывает ему бегунский стих.

Полный радости, облегченный от мирской суеты, он чувствует, как невольно душа стремится воспеть хвалу и Богу, и всему им созданному: „поется-то ладнее“, — говорит он, подобно страннику, восклицающему в „красной пустыне“:

Хвали, сердце мое, в вышних
Хвали Бога в небесах,
Воспой песнь ему приличну,
Сам ходяй по древесам.
Воспой гласом, воспой духом,
Воспой милость всю его,
Ударь в гусли тонким звуком,
Прославь Бога своего,
Что извел тя от напасти
И житейские мечты...

Касьян наслаждается, прислушиваясь, как „птицы поют небесные“, „тут кулички рассвистятся... иной соловушко так жалостно поет сладко“...

Бегун-странник поет:

Вместо музыки и песен
Меня птицы веселят...
Где кукушка воскокует

[1]) Там же стр. 281; ср. у Евфимия. „Паде, паде Вавилон великий всего мира стенание, царство и слуги антихриста: предреченное Апостолом всеообщее отступничество распространилось повсюду; предсказанная Данилом мерзость запустения во всем развитии“ и т. д. „Вестник Европы“ 1872, XI, стр. 296—299.

На пустынных деревсах
Она дух мой возбуждает.

Касьяна радуют „травы, цветы“, солнышко: „вода бежит ключевая, родник: святая вода“...

Бегун-сектант мечтает о „пустыне“:

Вместе всякого напитка
Ключевая там вода,
Течет быстро, без убытка...

* * *

О прекрасная пустыня,
Пойду я в твои лузи зрети
Различные твои цвета.

Касьяну „люди сказывают“, что где-то у самого теплого моря есть страна, где „живет птица Гамаюн-сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости“... Не ту же ли картину райской жизни „на востоке, вечной радости стране“ рисует бегунский стих:

Лучше царских там палаты,
Вертограды и сады,
Терема, чертоги златы,
В садах дивные плоды,
Поля устланы цветами,
Росы запах издают,
Рощи с чудными древами...
Там не жди беды-напасти,
Ни печали никакой,
Все погаснут души страсти,
Там лишь радость и покой [1]).

„И вот, уж я бы туда пошел“... — объятый восторгом, стремится распаленной мечтой Касьян к этому „самому теплому морю“: — вот скоро уже *первое воскресение* (пророчествует „Тюменский странник“), близко то время, когда Спаситель на белом коне прийдет с небеси, сотворить брань с антихристом, все странники будут в рядах его воинства и „воцарятся с ним тысячу лет“ в новой земле, в Новом Иерусалиме...

Это тысячелетнее царство будет, по верованию странников, на месте нынешняго Каспийского моря. Туда, в прикаспийские места стремятся бегуны из всех губерний[2])—и Касьян

---

[1]). Материалы, I, стр. 245, 212. 236, 235, 266, 233, 264 и др.

[2]). Щапов. Сочинения, I, т., стр. 563. Ср. рассказ П И. Мельникова о существовании в 50-годах между крестьянами нагорных уздов Нижегородской губернии веры в реальное существование реки Дарьи, в которой осетров руками ловят, на берегах которой растут всякого рода хлеб и овощи на земле не паханной, не бороненной и не засеянной. В 20-х годах прошлого века на эту реку подымались целые деревни от мала до велика; движение было приостановлено властью, с помощью крутых мер. „Сборник Нижегородской архивной комиссии“. т. 9, ч. II, стр. 237.

с Красивой Мечи полон той же веры, тех же ожиданий. Толкает его на поиски неведомой страны и маршрут-путник, обычно имевшийся у бегунов-странников. „Ну вот, пошел бы я туда... И вот... И уж и“...—Вне себя восклицает Касьян, томимый жаждой добраться... Куда? Не через „Кижискую“ ли землю „в Татанию, там восоянское государство; живут в губе океана моря: место называемое беловодие и озером Лове, а на нем 100 островов, а на них горы, а в горах живут о Христе подражателе Христовой церкве, провославние христиане... А там не может быть антихрист и не будет... А там народ именно, варварств никаких нет и не будет... Любители христовы, грядите вышеозначенною стезею“!..[1]).

Не лишне отметить, что почти все места, города, куда ходил Касьян, в 50-х годах были районами наибольшей распространенности секты бегунов: в Поволжье, и приокском крае, в Москве, Симбирской губернии (что перечисляет Касьян) правительственная комиссия 1850—1851 г. нашла многочисленных ревнителей бегунства [2]).

Есть еще одна подробность в жизни Касьяна, не совсем ясно зарисованная Тургеневым, но намекающая на отношения, тоже близкие секте бегунов. У него живет сирота, Аннушка. — „Матери у ней нету, да и неизвестно, кто у ней мать-то была“,—рассказывает биографию девушки Ерофей. Ей, по мнению автора рассказа, лет 13 или 14.

— Это твоя дочка, Касьян, что ли?—спросил (Тургенев). (Лицо Аннушки слабо вспыхнуло).—Нет так, сродственница,—проговорил Касьян с притворной небрежностью. Ну, Аннушка, ступай, —прибавил он тотчас...

Возвращаясь домой, Тургенев, разговорившись с кучером, как оказывается, „давно знавшим“ Касьяна, между прочим спросил его:—А что, эта, нам в лесу попалась, девушка, Аннушка, что она ему (Касьяну) родня?

Ерофей не без некоторого колебания ответил: „должно быть, что сродственница: больно на него смахивает“... „Давно знавший“ Касьяна Ерофей не знает точно, как доводится по родству „юродивому“ Аннушка. Сам Касьян, обычно или небрежно относившийся к барину—охотнику или прямо ставивший ему вопросы, но всегда остававшийся сам собой, почему-то вдруг прибегнул к притворству. Тайна скрывает происхождение Аннушки; скрытно говорит о ней Касьян. Автору рассказа вместе с Ерофеем бросается в глаза „поразительное сходство“ девушки с Касьяном. Невольно напрашивается вывод, что „безсемейный“ Касьян ее отец, что подкрепляется и впечатлением автора, почувствовавшего „не-

---

[1]). Вестник Европы 1873, I, стр. 287.

[1]) „Вестник Европы“ 1872, декабрь, стр. 537--542.

из'яснимую, страстную нежность и любовь“ в отношениях Касьяна к Аннушке [1])?

Теория и практика взаимоотношений мужчины и женщины в секте бегунов допускали возможность „случайности“ происхождения детей, воспитания их в тех условиях, о которых говорит Ерофей.

Церковный брак сектанты отвергали, считая его греховным прелюбодеянием, и правилами своими обязывались вести жизнь безбрачную, целомудренную и строгую во всех отношениях, но эти требования не только на деле не осуществлялись даже видными наставниками (Евфимий; „изящный ревнитель по нем“—Никита Семенов, Ирина Федорова и др.), но наоборот—бегунами выдвигалась своеобразная теория оправдывавшая иные отношения между полами.

„Жена дана дьяволом, а девка Богом; жить с женой—грех, а с девкой—несть греха... детей не надо“,—смело говорил один странник следственной комиссии 1850 г. Наставник Логин Прокофьев учил не только чужих, но и своих дочерей следовать принципу: „носи ребят хоть каждую неделю, только не венчайся в церкви“.

Характерна сценка допроса одной старухи-сектантки в том же 1850 г.

— Ну, как тебя зовут?

— Ориной.

— А по отчеству?

— Не знаю.

— Как так?

— Да я от девушки родилась, от странницы...

— Какой ты веры?

— Христовой по странству.

— Девица ты?

— Девица... только любилась со странниками в лесах [2]).

Этот ряд признаний сектантов-бегунов приоткрывает завесу над тайной происхождения Аннушки. Касьян, повидимому, уже ввел девушку в свое миропонимание беседами и чтением книг [3]).

Услышав слова барина: „да зачем же ей пешком итти. Мы бы ее довезли“,—Аннушка „тревожно“ посмотрела на Касьяна. Не потому ли, что она уже знает, сколь греховно по уставу общение с еретиками?.. Любопытно, что на

---

[1]) Ср. в „Москвитянине“: „Не думайте, чтобы только к природе привязался Касьян, чтобы он жил только смутными предчувствиями, неопределенными стремлениями. Любящая натура его привязана к определенному предмету—к девочке, которая по всей вероятности его дочь,—но любовь его до того робка, что он как будто пугается ее высказать (1851, апрель № 7, кн. I, стр. 423).

[2]) „Русский Архив“ 1866 № 4 стр. 606, 611, 614—15, 624—626. „Вестник Европы“ 1873, I, стр. 292—293.

[3]) Вспомним, что говорит кучер Ерофей: „Да ведь он (Касьян) вы вот не поверите, а ведь он пожалуй Аннушку-то свою грамоте учить вздумает“.

замечание барина:—„а она у тебя прехорошенькая", Касьян ответил „как бы нехотя: нет... какое... так[1])... и с того же мгновенья впал в прежнюю молчаливость". Не радость ощутил он от похвалы барина... Не потому ли, что похвала из уст его „смрадна" и гибельна? Иль красота Аннушки, по мнению Касьяна, одно из дьяволовых „земных пристрастий", что может сгубить ее? И он вдруг задумался, стал молчалив, вспомнив при „суетном" слове барина другие слова:

Сего света прелести
Душу хотят по ад ввести,
Вринуть в пропасть темны,
В огненны муки вечны,
Всегда мя враг прельщает
Своя сети поставляет.

—Так, в свете духовных песен, различных сборников и книг „бегунского" происхождения, признаний и пророчеств, слов и дел сектантов-странников раскрывается личность Касьяна, его идеология, этика, мечты и убеждения...

Тургенев отчетливо наметил в рассказе и те главные причины, которые вызывали к жизни Касьянов, толкали „добрых хрестьян в лаптях" на путь странничества. Любопытно отметить по этому вопросу полное совпадение воззрений между исследователем секты и художником, поэтически воспринимающим жизнь. Иван Аксаков в своей „записке о странниках" (1851) считал причинами, усиливавшими и поддерживавшими русский раскол: 1) протест народа против современного порядка вещей, порожденного петровской реформой, которая в итоге оторвала правительство, церковь и образованные классы от народного быта и учреждений и вызвала недоверие народа к дворянам,чиновникам и православному священству, и 2) потребность умственной деятельности и отсутствие возможности „просвещаться свободно и безбоязненно", в силу чего „крестьяне, одаренные духовными талантами и жаждущие приложить свои силы к трудам умственным, при недоверии к обществу, правительству и духовенству... бегут к раскольникам, где находят особого рода общество людей ученых, т.-е. начитанных, обширные библиотеки, читателей, издателей, переписчиков и все пособия для свободного общения мысли и слова". [2])

И. С. Тургенев в сущности указывает те же причины, сделавшие Касьяна сектантом: его социально-экономическое положение и духовные запросы неизбежно толкали на отрицание современного порядка вещей. В самом деле, деревня, где жил Касьян, и его собственное жилье далеки были от „довольства" и невольно заставляли думать об отсутствии „справедливости" в этом мире, где кто-то имеет право „пе-

---

[1]) В „Современнике": „Не, какая... так"... (стр. 137).
[2]) Русский Архив 1866 № 4, стр. 629—637.

реселять“ людей, кто-то „покупает“, „строит“, а „добрые хрестьяне“ обречены бродить „в лаптях“, жить голодной жизнью, умирать беспомощно...[1])

„Юдины выселки состояли из шести низеньких и маленьких избушек, уже успевших скривиться на бок, хотя их, вероятно, поставили недавно: дворы не у всех были обнесены плетнем... Даже куриц не было видно на улице, даже собак... Голодное мяуканье кошки раздалось за дверью... В избе темно, дымно и пусто... На дворе, возле плохой тележонки стояла под соломенным навесом худая лошаденка[2]) в оборванной сбруе... Воды в колодце оказалось чрезвычайно мало, и вкус ее был нехороший... Ерофей не нашел в деревне ничего с‘естного, ни огурцов, ни квасу, ничего“... Таковы были нерадостные условия жизни Касьяна и „многих других“. Немудрено, что затосковала душа по стране, где „живет всяк человек в довольстве“, где не слышен „среди пустых полей безнадежно-скорбный напев“...

Тургеневу-западнику чужд был взгляд на раскол Аксакова, видевшего корень зла в петровских нововведениях и считавшего сектантство „нравственным разложением народного быта“, „порождением блудного союза гнусной, трактирной, кантонисткой, солдатской цивилизации с раскольничьим невежеством, суемудрием и фанатизмом“ [3]). Он подметил в своем герое то, что подтверждало его думы о судьбах русского народа: тяготы жизни становились невыносимыми для людей, способных пытливо задуматься...[4])

И. С. Тургеневу Касьян прежде всего интересен, как резко выраженная индивидуальность, выделившаяся из „хора“, из тех „исторических и естественных определений, в которых коснеет масса“ [5]); Касьян-правдоискатель, внутренно-углубленный, Касьян, тоскующий по правде-справедливости, мечтающий об ином мире,—такой образ отвечал тургеневскому пониманию духовно-одаренного человека. То, что Аксаков говорил о религиозной и умственной жажде русского простонародья, как одной из причин, толкающих крестьянина к „начитанным“ раскольникам, совпадало с воззрениями автора „Записок Охотника“—и он подчеркнул в Касьяне его духовное горение, страстную жажду знания и идеала...

Была одна черта в Касьяне, лично близкая Тургеневу: эстетическое мироощущение, чутье красоты природы, ее запахов, красок, звуков—одна из отличительных особенностей натуры Касьяна. Тургенев, сам испытывающий тихое и ра-

---

[1]) Ср. „Мартына плотника хоронят... Третьего дня за дохтуром посылал управляющий, да дома не застал... А плотник был хороший“...

[2]) В „Современнике“: лошадка (стр. 125).

[3]) О. С., стр. 625.

[4]) Ср. „пытливый взгляд“ Касьяна, его „язык обдуманно-торжественный“.

[5]) Слова из известной формулы прогресса Т. Н. Грановского.

достное чувство в лесу, когда ему кажется, что взор, обращенный в небо, „в глубокую и чистую лазурь", уходит дальше и дальше, и „тянет вас самих за собой в ту спокойную, сияющую бездну и невозможно оторваться от этой вышины, от этой глубины", Тургенев особенно остро понимал жажду Касьяна к „степным местам", к „залесьям", „глуши" и всей своей русской душой чувствовал, что странничество, любовь к скитальчеству невольно зарождаются там, где едешь „по *широкой* распаханной *равнине*", где на многие версты взор обнимает «*пустынное пространство*», где с холмов открываются дали... „взойдешь—и Господи, Боже мой, что это? а?... И река-то, и луга, и лес; а там церковь, а там опять пошли луга. Далече видно, далече. Вот, как далеко видно... смотришь, смотришь"... Ну, где же, как не здесь, родиться стиху о „прекрасной пустыне", этому зову души—„града настоящего не имею, но грядущего взыскую"?[1])

В Касьяне нет фанатизма вероучения сектантов, коим внушалось „ни за кого Бога молить не должно, не исключая и родителей, кроме тех, кто умер в их секте".[2]) В его душе, раскрытой миру, любящей „чистые травки-божии", найдется молитвенное слово и о Мартыне, „нежильце на земле" („упокой Господь его душу!") и о старом барине—„кроткой душе, смиреннике" („царство ему небесное")... Нет в Касьяне и резких порывов социального протеста против неправды жизни: „опека переселила"—говорит он: „ну, опека, конечно, справедливо рассудила; видно, уж так пришлось". „Брань творити", „братися с антихристом", всюду царствующим, открытою силою до времени не разрешалось и „Тюменским странником"...

Наступит время, когда всякий „записанный в книги животные" должен ополчиться на антихриста. Пока же надо исполнять завет „людей Христовых"—"бежать в горы и пустыни".

Касьян—*странник*, *бегун* отрицает „падший Вавилон" всем своим духовным бытием. Все священные установления современного ему государственного строя им отвергаются; идеологически он подкапывает все основы того порядка, который покоится на угнетении, неравенстве, неравномерном распределении благ, который лишает массы людей элементарного „довольства", который вносит в отношения людей начала несправедливости. Разумеется, кто считает „великим грехом показать свету кровь", не будет и защищать, охранять этот порядок...[3])

---

[1]) Показания странников Ивана Васильева и Федора Андреева. См. „Вестник Европы". 1873. янв., стр. 271.

[2]) Там же, стр. 270.

[3]) Странники избегали военной службы и охотно принимали в свое общество беглых солдат. См. „Вестник Европы" 1871, янв., стр. 286.

Всматриваясь в образ Касьяна под таким углом зрения, в свете сектантской идеологии, неизбежно приходишь к выводу, что рассказ И. С. Тургенева во всей серии очерков „Записок Охотника" единственный по силе отрицания, бьющего значительно далее только крепостного права. Известные слова графини Растопчиной о всей книге Тургенева могут быть отнесены прежде всего к рассказу „Касьян с Красивой Мечи": это, действительно, „зажигательный очерк". И, может быть, в то время как правительственная комиссия раскрыла картину широчайшего народного движения, охватившего северные, центральные, восточные губернии, от Олонецкого до Астраханского края, центральные власти так и переполошились в 1852 году—год выхода „Записок Охотника" отдельным изданием,—что среди охотничьих очерков они увидели небольшой по числу страниц, но страшный по заложенной в нем взрывчатой силе рассказ, идея которого стала ясной только по получении материалов в министерстве внутренних дел.

Рассказ появился в 1851 году, а в следующем 1852 году в повести „Постоялый двор" Тургенев вновь воспроизвел образ странника—не сектанта, но тоже „редко показывавшегося дома", покинувшего мир, ушедшего в странничество ради спасения „душеньки своей" и нашедшего в хождении по святым местам полное духовное удовлетворение. „Везде куда только стекаются богомольные русские люди, можно было увидеть... исхудавшее и постаревшее, но все еще благообразное и стройное лицо (Акима): и у раки св. Сергия, и у Белых берегов, и в Оптиной пустыне, и в отдаленном Валааме, везде бывал он. В нынешнем году он проходил мимо вас, в рядах несметного народа, идущего крестным ходом за иконой Богородицы в Коренную; на следующий год вы заставали его сидящим, с котомкой за плечами, вместе с другими странниками, на паперти Николая Чудотворца в Мценске... Из края в край скитался он своим тихим, не торопливым, но безостановочным шагом—говорят, он побывал в самом Иерусалиме. Он казался совершенно покойным и счастливым". „Как пойдешь, как пойдешь, так и полегчит"—взволнованно признавался Касьян. То же облегчение души, в том же странничестве нашел и Аким.

Давно уже историки народной жизни отметили в русском народе эту тягу к странничеству, бегству из мира. Указывались и разнообразные причины к тому—социально-экономические, религиозно-этические и просто жажда „вольной волюшки" [1]), но явление было давнее, исконно-русское[2]). Касьян—сектант—бегун и Аким, избравший путь странни-

---

[1]) Ср. замечание П. Мельникова: „воля" на языке народа не значит свобода, а „житье не дома". Даже слово „был на воле" значит—выходил из избы. „Сборник" т. IX, ч. II, стр. 237.

[2]) А. Щапов. Сочинения, т. I, стр. 530—541.

чества—оба глубоко-национальные типы, охватывающие безконечное множество русских людей: далекое прошлое и близкие нам времена не переставали рождать Касьянов и Акимов.[1]) Первый образ помимо уяснения им одной из особенностей русского национального характера ценен тем, что в нем Тургенев зарисовал своеобразнейшее движение народной религиозной мысли, особенно развернувшееся в первой половине XIX века. Чуткий художник вписал в свою поэму народной жизни характерный образ русского сектанта. И, кажется, почин во введении этого народного типа в нашу художественную литературу был сделан тем же творцом „Записок Охотника“ [2]).

II.

„Странная история“.

Если усилить в Касьяне черты экзальтации и мистики, довести его религиозные переживания до степени экстаза, „странности“ заменить юродством, Аннушку превратить в „спутницу,“—перед нами схема „Странной истории“ с ее участниками Василием Никитичем и Софией Б.—„Акулинушкой“.

Повесть эта, оконченная И. С. Тургеневым в сентябре 1869 года и напечатанная в 1870 году, в январской книж-

---

[1]) Последнее из известных мне литературных отражений помечено 1918 годом: „Странница“, повесть А. Ремизова (альманах „Мысль“, I).

[2]) Видеть в „Касьяне с Красивой Мечи“ постановку автором „натуральной“ проблемы, „таинственной проблемы человека и земли“, как это делает А. Смирнов-Кутачевский, значит сужать содержание рассказа („Русская мысль“ 1908 г. № 2, „Иванушка дурачок в художественной литературе“, стр. 56—60). Ближе к нашему пониманию типа Касьяна стоит И. Замотин, писавший, что „природа получает в содержании (странника Касьяна) какой-то одухотворенный, христиански-идеалистический характер: вода для него святая, птицы небесные, степь—благодать-Божья“. („Чувство природы и жизни и его понимание в русской художественной литературе XIX стол. Варшава. 1910, стр. 9).—По окончании этюда, я нашел в одной забытой критической статье взгляд на Касьяна, тождественный с развиваемым на этих страницах: „люди эти (подобные Касьяну) и до сих пор не перевелись на нашей земле и до сих пор они не утратили своей *современности*. Из них выходят сектанты, фанатики-мистики, мечтатели-утописты, непоседлые странники, так называемые „Божие люди“ или даже просто юродивые. Касьян с Красивой Мечи бесспорно принадлежал к числу таких людей“ — писал Ф. Б., автор любопытной статьи—„Мужик с точки зрения людей 40-х годов“ („Дело“ 1881 июнь, современное обозрение, стр. 26, 27). Считать Касьяна—как думает проф. Сумцов—подражанием Пасьянсу, герою жорж-зандовского „Мопра“ (см. „Книжки недели“ 1897 № 1), не представляется никакой необходимости. Тот же взгляд на Касьяна, как на „отголосок, почти повторение типа Пасьянса“ встречаем у Влад. Каренина („Тургеневский сборник“ 1921, стр. 91).

ке „Вестника Европы“[1]) имела в основе действительные факты, как всегда у И. С. Тургенева, несколько измененные: „хорошо воспитанная, молодая, богатая девушка, бросившая все и всех, родной дом, семью, знакомых, махнувшая рукой на все привычки, на „все удобства жизни“ сделавшаяся „прислужницей“ юродивого, была дочерью не откупщика Б, а директора одной зеркальной фабрики; вернувшись домой, она не умерла „молчальницей,“ не говорившей ни с кем (как рассказано в повести), но вышла замуж. Мотивом, побудившим эту девушку уйти из дому, было желание загладить грехи отца, грабившего казну,[2])—образ Софии Б. („тихони и богомолки“) выступает более сложным, автор наделил ее иным психологическим содержанием. Она имела—говорит он—„свои незыблемые и неискоренимые убеждения“: „начало веры самоотвержение... уничижение... надо искоренить дотла волю, гордость человеческую, высокомерие“... Она мечтает найти „учителя,“ „наставника, который показал бы на деле, как жертвуют собой“; ей глубоко запал в сознание прочитанный когда-то рассказ о том, как „один вельможа велел себя похоронить под папертью церковною для того, чтобы все проходившие люди ногами попирали его, топтали“... По ее убеждению, „вот это надо еще при жизни сделать“... Она это сделала, нашла и „наставника“. Таковым был некто Василий, „из простых мещан, даже безграмотный“. Рассказчик повести—г.-н. Х...—знакомит с ним читателя два раза: в первый раз в губернском городе Т. . . , в комнате мещанки Мастридии, затем на постоялом дворе в С. . . кой губернии, граничащей с Т. . ской губ.; первая встреча с Василием—„магнетизером“, заставившим рассказчика „явственно“ увидеть давно умершего гувернера, старика Дессера,—вторая встреча с Василием—„юродивым“...

Обе встречи произошли на протяжении двух лет. На балу от Софи Б. г-н Х. узнал, что в городе Т. считают Ва-

---

[1]) В первые появилась в берлинском журнале „Der Salon“, откуда была переведена на русский язык в газете „Голос“ № 341 Среда 10 (22) декабря 1869 г. В первоначальном тексте и тексте „Вестника Европы“ имеется несколько характерных стилистических отличий (добавлено, например, указание Софии на прочитанный ею рассказ о вельможе); позднее Тургенев выбросил одну фразу из текста „Вестника Европы“. Об авторской работе над этой повестью пишет Л. Фридлендер: „(Тургенев) прислал мне, вместе с отдельным оттиском изданной в 1869 году на немецком языке „Странной истории“, десять вариантов и дополнений, написанных им позднее, которые затем вошли в последнее издание его сочинений.“ („Вестник Европы“ 1906 октябрь, стр. 831). В письме к И. Н. Борисову 4 января 1870 г. Тургенев, назвав перевод повести в „Голосе“ „уродливым“, сообщает след. подробности: „я после немецкого издания кое-что прибавил (в „Вестнике Европы“), и именно в смысле указания на религиозное настроение Софии. которое Вы..... тотчас учуяли, как слабый пункт рассказа“ (Русский Архив 1910 № 3 стр. 613. Ср. Щукинский сборник, вып. VIII).

[2]) И. С. Тургенев в воспоминаниях Л. Фридлендера. „Вестник Европы“ 1906, стр. 831.

силия „богоугодным человеком“; хозяйка постоялого двора называет его „блаженным, божиим человеком“: „в наших краях недавно появился: вот и нас посетить изволил“. Таким образом, среди жителей города Т. и С-кой губ. Василий, выступающий перед г-ном Х. как будто в двух видах, пользуется однородной репутацией — „божьего человека“. Это дает нам право собрать воедино черты, рассеянные в рассказе при двух различных условиях, и иметь в виду Василия, как определенный образ, раз данную фигуру.[1])

Нет оснований думать, что И. С. Тургенев имел намерение воспроизвести в „Странной истории“ мистическую секту какого-либо толка, тем более, что в его время даже такие знатоки раскола, как П. И. Мельников, отказывались „проводить резкую раздельную черту“ между „тайными сектами“ (сионская церковь, хлысты, духоборцы и т. п.)[2]). Некоторые признаки как будто подчеркивают связь Василия с хлыстовщиной: его взгляды, образ жизни, отдельные подробности, разбросанные в повести, легко могут найти сближения с этой сектой, но, как увидим ниже, проявления переживаний Василия обрисованы с такой широтой, что, считая его в рядах хлыстов, надо заранее помнить, что представители и других тайных сект могли бы найти себя в Василии Никитиче...

Два начала царствуют в мире: Бог и сатана. „Бог — Милостивец“, „всевидящий“, всего податель[3]) и „древлий враг“, „древлий змий,“ — таково дуалистическое мировоззрение Василия, роднящее его с хлыстами и другими сектантами-мистиками.[4]) По учению хлыстов, борьба этих начал проявляется и в человеке: душа и тело находятся в извечной вражде между собою: тело созданное дьяволом начало греховное; чтобы победить его, надо обуздать его хотения, умертвить плотские желания суровой аскезой (пост, радения, соединенные с самоистязанием), — и тогда убив в себе волю, человек может достичь духовного совершенства („таинственное воскресение“), в него может войти Дух святой; безгрешный, он получит дар „пророчества“ и на высшей степени „духовно-

[1]) Двухпланность повествования об'ясняется самим Тургеневым в письме к И. Н. Борисову 4 января 1870: „рассказ составился у меня из двух анекдотов, из которых один я слыхал, а другой сам пережил“ (Русский Архив 1910 т. 3 стр. 613). В. А. Муханов передает в своем дневнике, что Тургенев в 1860 году собирался с'ездить в Елец повидать одного прорицателя („Русский Архив“ 1896 № 12. Из дневных записок В. А. Муханова стр. 550).

[2]) Русский Вестник 1868 май. стр. 51. „Тайные секты“ П. И. Мельникова (гл. 1—4).

[3]) Ср. „Дал он тебе, Милостивец, хлеба... А Он все видит! Ви... и...ди...ит!“

[4]) „Русский Вестник“, о. с. стр. 12—13, там-же 1869 № 3, 5. „Белые голуби“ П. Мельникова; С. Маргаритов. История русских мистических и рационалистических сект. Издание 4. Симферополь, стр. 22 и т. д. (Здесь указана литература).

ного совершенства“ будет в состоянии стать „Саваофом,“ „Христом“, „богородицей“ [1]).

Василий, „по всей губернии первый постник и молельщик“, [2]) ведет согласно уставам строгую жизнь, истязует свое „грешное тело“ тяжелыми веригами, причиняющими ему раны, отказывается от чаю [3]), „почивать любит на сене“.

— „Что выдумала! Грешное тело баловать... Охо-хо! Все кости ему сокрушить.. а она-чай! Ох, ох старица почтенная, сатана в нас силен!“—говорит Василий хозяйке, развертывая мировоззрение, ярко окрашенное аскетизмом, полное призывов к борьбе с „врагом сильным“, „живучим“.

Богу порадейте,
Плотей не жалейте,
Марфу [4]) не щадите,
Богу послужите.
Не жалейте вы плотей,
Тех нечистейших свиней—

поет хлыстовский стих, повторяя типичный для всей сектантской поэзии мотив:

Мира прелести забавы
Прочь идите от меня;
Все вы лестные отравы
Я бегу вас, как огня [5]).

Посмотри, душа,
На меня, Христа:
Как терплю всегда
За тебя, душа!...
Раны, смерть под'ял;
Как и ты, душа
Подражай всегда
Мне, Отцу твоему
Вседержителю [6]).

---

[1]) П. Мельников „Белые голуби“, стр. 334—340; 345—347.

[2]) О внутренней напряженности религиозных переживаний Василия свидетельствует его манера креститься; „поискав образов глазами, (он) начал креститься большим крестом наотмашь“. Ср. замечания А. Мельникова в статье „Самобытность старообрядчества“. Рус. Мысль 1911, № 5, стр. 79-80.

[3]) Ср. признании раскольников: „Кто пьет чай, тот спасения не чай. Кто чай пьет, тот от Бога отчаялся“. Автор, касаясь наружного облика Василия, говорит между прочим: „нижняя часть опухшего лица обросла вз'ерошенною бородою“. Ср. раскольничью поговорку: „Режь наши головы, не тронь наши бороды“. Сборник Нижегородской Архив. Комиссии, IX, стр. 267,271.

[4]) По учению хлыстов, в евангелии Марфой названа плоть, а Марией душа. С. Маргаритов, о. с., стр. 28.

[5]) Материалы, под ред. В. Бонч-Бруевича, I, стр. 232.

[6]) Материалы, под ред. В. Бонч-Бруевича, I, стр. 232.

Оттого в душе желаю,
Чтобы со Христом мне вечно жить,
Для него скорблю, страдаю,
Крест его хочу носить.... [1]

Василий несет этот крест, сознавая свое „окаянство“, тяжко вздыхая: „грехи наши, грехи“, то и дело призывая Бога: „Господи Боже мой, Господи Боже мой, Господи Боже мой.... Господи Боже мой, Владыка живота моего, воззри на окаянство мое“.... [2]. Он идет в „дождливую, холодную“ погоду, „в заплатанном рубище“, с „больной ногой“: „в какую непогодь“! (восклицает хозяйка постоялого двора).

„Так с него, голубчика, ручьями и льет! И вериги вы бы посмотрели на нем какие—страсть!“ и скрывается из глаз рассказчика в „частой сетке“ „как из ведра“ падавшего дождя, покорный зову своей спутницы: „иду, матушка, иду... вот только цепочечку-то подвязать“...

„И где наш рай? Рай наш прекрасный? В пустыне наш рай... рай....“—раздается голос Василия и опять вспоминаются типичные мотивы сектантской поэзии, звавшей в „пустыню“, восхвалявшей „прекрасную“, „любезную“ пустыню:

Где рай мой прекрасный?.. [3]

Я стремлюсь к тому чертогу,
Где жених сладчайший мой...
Я от мира удалилась,
Чтоб достигнуть мне небес,
И в пустыне поселилась. [4]

О прекрасная пустыня...
Любимая моя мать...
Мене грешного соблюди,
От вечные муки мя избави... [5]

Во пустыни я хощу жить.....
Мир мне суетной не зрится,
Но лишь дух мой веселится,
Ум летает в небесах;
И о том мне Бог поможет,
Что всегда он есть со мной,
Что я миру поругался,
Но и прелесть всю попрал,
И под власть Отцу отдался
Жизнь небесную избрал. [6]

---

[1]) Роспевец секты „людей Божиих“, записанный Н. Барсовым. Записки И. Географического Общества., отд. Этнографии т. IУ, 1871.
[2]) Ср. в бегунских стихах. („Материалы“, стр. 261, 239, 234, 248).
[3]). Песни сектантов-мистиков. Сборник, составленный Т. С. Рождественским и М. И. Успенским. 1912 стр. 501, 669, 670, 671.
[4]). Материалы, стр. 237.
[5]). Там же, стр. 232, 233 и др.
[6]). Там же, стр. 236.

В повести есть несколько подробностей, более решительно приобщающих Василия к хлыстам. Мещанка—хозяйка называет его *божиим человеком*, и автор два раза применяет к нему это название (хоть и в кавычках, но как будто преднамеренно): хлысты всегда называет себя этим именем и в стихах своих иначе не говорят о себе, как „соходились *люди Божии*, спознавались *людей Божьих*“ и т. п. [1]). Восклицая: „Да воскреснет Бог и расточатся врази его! *Я всех мертвых призову! На врага его пойду*“, Василий утверждал верховное право своего религиозного *я* на боговоплощение, противополагал свое божественное *я* враждебному антихристову началу, считал себя богом. Это признание одно из самых типичных для хлыстовства: вера, что каждый „может стать“ „Христом“, духом божиим породила первого хлыстовского „Саваофа“—Данилу Филипповича, „богородицу“ Акулину Ивановну и проч. Мастридия называет Василия своим сыном „по духу“: на языке хлыстов выражение „родился духовно“ обозначает обращение в секту „людей Божиих“ [2]). Василий—человек „блаженный“, „юродивый“; среди хлыстов подобные юродивые издавна находили приют [3]). Хлысты в знак братства не иначе зовут друг друга, как ласковыми уменьшительными именами [4]). Василий называет свою спутницу—„Акулинушкой“, „чадушком милым“, „дочкой любезной“ (Мастридия называет его „Васинькой). Самое имя Акулины, принятое Софией Б., не намекает ли на одну из хлыстовских сект—акулиновщину или „богородицу“ Акулину Ивановну? [5]) Хлысты в числе 12 заповедей одного из своих наставников, „живого Бога“, Данилы Филипповича, имеют заповеди нравоучительного характера в роде таких: „не воруйте, любовь творите“ и пр. Василий наставительно внушает хозяйке: „все отдай, голову отдай, рубаху отдай! И просить не будут, а ты отдай!“ Василий то и дело употребляет восклицания—о... о... о... о... хо—хо!.... ох, ох. Историк этой секты, П. И. Мельников считает частое повторение *О! ох!* признаком распевцов хлыстовских „пророков“, когда на них „накатило“, т.-е. когда они находятся в состоянии экстаза [6]). Отражения сектантского быта можно видеть и в некоторых мелких подробностях. Василий несколько раз повторяет: „да воскреснет Бог“. Сектанты-бегуны носят кресты, на одной стороне коих осмиконечный крест, а на другой вырезано начало молитвы *да воскреснет Бог.* [7]) Василий говорит хозяйке: „Бог все видит... Он все видит! Глаз в треугольнике чей“? Повидимому, он имеет в

---

[1]). „Русский Вестник“, о. с., стр. 24-25.
[2]). П. Мельников „Белые голуби“, стр. 321.
[3]). С. Маргаритов, стр. 47.
[4]). „Русский Вестник“, стр. 27, 46.
[5]). Там же стр. 7; „Белые голуби“, стр. 339, 395.
[6]). Ср: Тюменских сектантов—немоляков называют охохонцами.
[7]). Сборник Нижегородской Архивной Комиссии, IX, ч. 2, стр. 467.

виду одну запрещенную православной церковью икону так называемого *странного изображения*—Всевидящее око... [1]). Мы нашли в речах Василия определенное религиозно-этическое мировоззрение: дуализм и аскетизм составляют его главные начала. Резче подчеркнутое, чем в Касьяне, оно к тому же не изображено, как явление, возникшее в силу известных социальных причин, что автор стремился показать в „Касьяне с Красивой Мечи“. В повести „Странная история“ все построено на психологических основаниях, в безусловной отрешенности от „быта“. Переживания Василия даются по связи с его мировоззрением, но надо сказать, автор следит не столько за духовными, сколько за физическими проявлениями строя души своего героя. В этом отношении рассказ замечателен, как яркая картина *сектатсткого экстаза*: то, *как* проявляется религиозная настроенность Василия, нарисовано автором по истине с научной точностью. Было ли это со стороны Тургенева изображением реально виденного или гениальным осмыслением книжных материалов о расколе [2]),—мы не знаем, но анализ физических явлений экстаза, описанный ученым изследователем русского мистического сектантства, Д. Г. Коноваловым [3]) дает полное право считать рассказ Тургенева точным и сгущенным снимком сектантсткого экстаза, не пропустившим, кажется, ни одного из типичных его проявлений. В изучении „Странной истории“ нас не интересует медицинская точка зрения подход к рассказу проф. В. Чижа, ставившего вопросы о гипнотизме, внушении, о припадках истерических, эпилепти-

---

[1]). Там же, стр. 325. Ср. так же. Один из основоположников секты хлыстов, Радаев, „таинственно—воскресший“ пророк, достигший святости, учил, что достижение царствия Божия, которое „внутрь нас есть“, требует умерщвления своей воли и гордости, „самоотвержения и уничижения“: в том же видит назначение человеческой жизни София Б., по словам которой, буквально совпадающим с наставлением Радаева, „начало веры—самоотвержение... уничижение... гордость человеческую надо искоренить..... надо сломить“. Разсуждение Софии Б.: „душ мертвых нет.... оне безсмертны и могут всегда явиться, когда захотят... Оне постоянно окружают нас“ имеет аналогию с хлыстовским верованием о бесплотных духах, по которому ангелы—души умерших людей—имеют сношения со здешним миром. София Б., вернувшись домой, не говорила ни с кем, умерла „молчальницей“: ср. Кондратия Селиванова, который будучи хлыстом, слыл „молчанкой“... (Мельников, „Белые гулуби“, стр. 336, 345, 334).

[2]). В 1866 году Тургенев просил П. Анненкова прислать ему в Баден о „Современном состоянии раскола“. (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Спб. 1909, стр. 586). Повидимому И. С. Тургенев имел в виду сочинение Н. Субботина „Современные движения в расколе“. (Москва 1865); тому же автору принадлежали статьи под тем же заглавием в „Русском Вестнике“ 1863 № 5, 7, 11, 12; 1864 № 1, 2; 1865 № 1, 2, 3, 5; 1866 № 1. Без сомнения, Тургеневу, внимательно следившему за русской журналистикой, были известны и многие другие статьи о расколе, напр. П. Мельникова в „Рус. Вестнике“ за 1868, 69 гг.

[3]). Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Изследование Д. Г. Коновалова. ч. 1. Вып. 1. Сергиев посад 1908.

ческих и т. п. [1]), равно и сопоставления Д. Г. Коновалова сектантских переживаний с кликушами, одержимыми,— все это лежит за пределами нашей темы. К рассказу И. С. Тургенева мы присоединяем фактический материал, касающийся лишь сектантского экстаза, и комментируем образ Василия только в данном направлении.

Автор исследования о религиозном экстазе в русском мистическом сектантстве определяет три главных периода в последовательном развитии телесных явлений сектантского экстаза. „Первый период (по его словам) характеризуется, по преимуществу, возбуждением органических функций, второй—двигательным возбуждением, третий—возбуждением функций речи“ [2]). Следуя в этом порядке за изображенными в рассказе внешними проявлениямп Василия, мы убедимся в поразительном совпадении их с религиозно-экстатическими состояниями наших сектантов. При чем следует иметь в виду: то, что у других проявлялось в неполной форме, у Василия дано в сводном виде,—как будто писатель-художник хотел подсказать ученому историографу метод работы [3]).

Приступ экстаза у сектантов обыкновенно обнаруживается прежде всего возбуждением кровеносной системы, появлением вазомоторных (сосудодвигательных) расстройств, внешним показателем чего служит перемена, иногда очень резкая, в выражении лица, в частности, глаз, а так же появление на нем пота [4]). У сектантов вследствие усиленного прилива крови к лицу при экстатическом возбуждении появляется *особенный блеск—огонек в глазах.* [5]) Г-н Х. (рассказчик „Странной истории“) разглядел „белесоватые глаза“ Василия: под влиянием возбуждения, овладевавшаго им (Василий „дышал усиленно, точно на гору взбирался или ношу поднимал“), „глаза его как будто расширялись... по временам эти глаза *загорались* зловещим *внутренним огоньком*“.

Развитие экстатического возбуждения вызывает у сектантов мучительную *жажду.* [6]) Василий, „задыхаясь как запаленная лошадь, хриплым голосом проговорил“: „чаю“!

Усиленная работа кровеносной системы отражается и на секреторной функции: у сектантов, уже в начальной период экстаза, обнаруживается *потение* [7]) Мастридия „принялась заботливо утирать *пот*, который так и струился с волос и лица“ Василия.

---

[1]). Тургенев, как психопатолог. „Вопросы философии и психологии“, ноябрь—декабрь 1899, кн. V (50), стр. 778—787. Ср. так же замечания Н. Аммона в статье „Неведомое“ в поэзии Тургенева. „Журнал Министерства Народного Просвещения“ 1904, апрель, стр. 292.

[2]). Д. Г. Коновалов:, о. с., стр. 4. В дальнейшем весь фактический материал мы берем исключительно из этого исследования.

[3]). О. с., стр. 4 (предисловие).

[4]). о. с., стр. 4. 6.

[5]). о. с., стр. 9 (Курсив Д. Г. Коновалова).

[6]). О. с., стр. 15.

[7]). О. с., стр. 16.

Самое выдающееся секреторное явление и существенный элемент в сектантском экстазе представляют **слезы**, что считается и самими сектантами необходимой принадлежностью экстатической молитвы. [1])—Акулинушка, чадушко мое милое, дочка моя любезная,—твердил между тем (Василий), и *вдруг заплакал.*

Обычной группой физиологических явлений сектантского экстаза являются *тяжелые вздохи, стоны, насильственные крики* [2]).

— Благослови Бог! Благослови Бог! Аминь, аминь, рассыпься!—повторил голос..... Послышался *шумный вздох* (юродивого).

—Акулинушка,—залепетал он, *тяжело вздохнув*: грехи наши, грехи.....

— Акулинушка, друг!—проговорил еще раз юродивый, *каким-то потрясающим голосом* и.... *простонал* глухим, со дна души поднявшимся *стоном.*

Дыхательные расстройства—сообщает далее Д. Г. Коновалов—нередко принимают у сектантов форму непроизвольного, судорожного *смеха*, при чем *выдыхательные спазмы* иногда проявляются еще в добавочном явлении, которое можно назвать „*фырканьем*“, гуканьем, „дутием из себя“. [3]).

— Акулинушка! Раба Божия, подь сюда!—заговорил опять (юродивый):—зри, яко наг, яко благ.... *Ха-ха-ха! Тьфу!*.. Господи Боже мой, воззри на окаянство мое.... Охо-хо-хо! *Ха-ха... Тьфу!*

Да воскреснет Бог.... На врага его пойду.... *Ха-ха-ха! Тьфу!*—Наблюдая Василия, г-н Х. подметил, что этот „сильный *хохот*“ слышался „вдруг“, неожиданно, „*вырывался всякий раз как бы невольно*, и всякий раз после него слышалось негодующее плевание“.

Одним из симптомов сектантского экстаза служит *зевота.* [4])

„Протяжный *зевок*“, немедленно сопровождаемый конвульсивным смехом, отмечен г-ном Х. и у Василия Никитича. [5])

Двигательно - экстатическое возбуждение среди сектантов слагается прежде всего из *общего судорожного сотрясения* организма, *трепета, вздрагивания.* [6])

Мастридия, рассказывая о Василии, об его „падучке“, говорит: „испугать его очень легко: *затрепещется, затрепещется*, словно „цыпленок какой“... „Он подошел, *шатаясь*, к стене“... „Он *вдруг взмахнул* головой“...

Из *местных* движений, локализованных в отдельных частях организма, Д. Г. Коновалов отмечает в состоянии нерв-

[1]). О. с., стр. 18-19.

[2]). О. с., стр. 21, 33, 34, 75. „Не только молитва, даже мысль, имеющая соприкосновение с религией, экзальтирует сектантов“, стр. 23.

[3]). О. с., стр. 24, 28, 32.

[4]). О. с., стр. 29.

[5]). См. еще: „на собраниях малеванцев.... скрежет зубов“ (стр. 27). Ср.: Василий „повторил несколько раз со скрежетом зубов.

[6]). О. с., стр., 56.

ного возбуждения сектантов *движения глаз, губ, покачивание головой, биение в перси* [1])

Все эти проявления двигательного возбуждения мы встречаем и у Василия: „Он сидел на лавочке под воротами и, упершись в нее обеими ладонями, *раскачивал направо и налево понуренную голову*... Густые *космы* курчавых *волос* закрывали ему глаза и *мотались из стороны в сторону так же, как и отвисшие губы*"..—„Он перестал креститься, но *продолжал блуждать* бессмысленным *взором по углам, по полу*, словно ждал чего-то"...—

— Акулинушка, друг!—проговорил еще раз юродивый.... и, широко раскрыв рот и *ударив себя кулаком в грудь*, простонал"....

При распространении двигательно-экстатического возбуждения на мускулы нижних конечностей появляются обычно *локомоторные движения*—напр. *подпрыгивание* [2]).

Г-н X. „вдруг заметил, что тот (Василий) уже отделился от двери и стоял на шаг или на два ближе ко мне; потом *он чуть-чуть подпрыгнул*, обеими ногами разом... потом еще... потом еще... Широкая грудь дышала усиленно. Мне *эти прыжки* показались смешными"....

Прежде чем окончательно разрядиться, физическое возбуждение сектантов сосредоточивается на некоторое время в группе мускулов, производящих членораздельную речь,— пишет ученый исследователь, касаясь третьего и последнего периода телесных явлений сектантского экстаза, и указывает, как одно из характерных явлений в периоде возбуждения функций речи, *автоматическое произнесение* сектантами *непонятных слов* [3]).

По наблюдению г-на X, Василий „*по прежнему бурчал* какие-то *невнятные речи*"; по словам его слуги, юродивый „давеча сидел перед воротами и *мудреное такое творил, что и постигнуть невозможно*". [4])

Под влиянием экстаза иногда органы речи парализуются, и охваченный духовным волнением бывает в состоянии только невнятно *бормотать* какие-нибудь слова и фразы. [5])

„*Странное, почти нечеловеческое бормотание вырывалось*" из „*отвисших губ*" Василия,—рассказывает г-н X., увидав юродивого, сидевшего на лавочке под воротами и „раскачивающим направо и налево понуренную голову"... [6])

---

[1]) О. с., стр. 61, 62, 64, 71.

[2]) О. с., стр. 82, 96.

[3]) О. с., стр. 157—159 и т. д.

[4]) Ср. о Касьяне: „Справедливости в человеке нет,—вот оно что... Эти последние слова Касьян произнес скороговоркой, почти невнятно, потом он еще что-то сказал, чего я даже расслышать не мог, а лицо приняло странное выражение".

[5]) Д. Г. Коновалов, о. с., стр. 235—236.

[6]) Ср. Касьян „словно все подпрыгивал на ходу, беспрестанно нагибался, срывал какие-то травки, совал их за пазуху, бормотал что-то себе под нос и все поглядывал на меня и на мою собаку, да таким пытливым, странным взглядом".

Но рядом с этим явлением—гораздо чаще экстатическое возбуждение функций речи у наших сектантов выражается в форме *пророчества*: так „старицы Есфирия и Елена, пророчествуя, говорили будто через Духа Св., яко бы будут пожары и не будет дождя“; „Карп Милосердов говорил кому-нибудь что ему будет дурно или хорошо“ и т. п. [1])

Прислушаемся к словам Василия и мы найдем, что и он обладал тем же даром: „*Помни день Покрова Богородицы!*— (говорит он хозяйке постоялого двора). *Будет тебе, будет много*. (Хозяйка легонько даже ахнула от удивления):—Только ты слушай меня! Все отдай, голову отдай, рубаху отдай! И просить не будут, а ты отдай!.. А дому сему благодать в час седьмый!..“

Сектантская экстатическая речь характеризуется некоторыми внешними особенностями: возбужденные сектанты обычно *громко выкрикивают свои речи*. [2])

Голос Василия „*загудел*“, его „грубый голос *гаркнул*“, юродивый, „проговорил каким-то *потрясающим голосом*“,—таково впечатление г-на Х. от манеры говорения Василия.

Экстатические речи иногда произносятся *нараспев*. [3])

„Благослови Бог! Благослови Бог! Аминь, аминь, рассыпься!“—говорил Василий, „*дико вытягивая последний слог каждого слова*“...

Третьей особенностью экстатической речи служат *повторения* одних и тех же слов и выражений, а также звуков. [4])

Василий Никитич *повторяет* выражение „Благослови Бог“ в первый раз—*трижды*, затем *два раза*, „Господи Боже мой“—*четыре раза* кряду, „да воскреснет Бог“—*дважды*, „Адамант“—*три раза*; отдельные звуки—„о... о.. о...“, „ох, ох“; повторяет одни и те же слова: „*будет* тебе, *будет* много“, „в пустыне наш *рай... рай*“; глагол *отдай* в шести словах повторен *три раза*.

Наконец, экстатическая речь иногда выливаетси в форме слов и фраз, подобранных по созвучию, как бы *рифмованных*. [5]) Д. Г. Коновалов приводит два примера: а) пророчество Николаевского хлыста: „ну так что *ж*, ничего *ж*. Ник*огда*, завсе*гда*, где Ис*ус*, там Петр*усь*. Никого *ж* я не б*оюсь*“ и б) скопческое пророчество: „Пшен*ицу* рас*сей*, а тар*ицу* вы*сей*; пойдешь в *лес*, будет тр*еск*; ты воззир*ай* и на небо пыл*ай*“. [6])

Речь Василия Никитича обнаруживает ту же наклонность: „Благослови Бог всех сущих у д*ому* се*му*“...—„Зри, яко *наг*, яко *благ*“... „На него гл*ад*, на него хл*ад*“... Некоторые предложения его речи имеют определенный стихотворный раз-

---

1) Д. Г. Коновалов О. С., стр. 194—197.
2) О. С. стр. 37, 43, 228, 231.
3) О. С. стр. 232.
4) О. С. стр. 245.
5) О. С. стр. 249—251.
6) О. С. стр. 250.

мер: «А дому сему благодать, в час седьмый»; „Я всех мертвых призову. На врага его пойду“... [1])

Что касается *содержания* экстатических речей сектантов, то характерную особенность составляет их *непонятность*, впрочем, не смущавшая слушателей тех или иных прорицателей. [2]).

Слуга г-на Х. не мог «постигнуть», что такое «мудреное» творил Василий Никитич—он принадлежал к разряду „образованных дворовых“, но мещанка-хозяйка и ахала от удивления и украдкой крестилась под косынкой и, слушая слова юродивого, «со всеми признаками глубочайшего внимания», лишь причитала: „Эх-ма! Степаныча нет! вот горе наше-то! Словцо какое спасительное скажет, а мне бабе и невдомек!“ А Василий говорил следующее: «Слушай меня! Все отдай... Потому Бог видит! Али крышу долго разметать? Дал Он тебе. Милостивец, хлеба, ну, и сажай его в печь!.. А...да...мант.., Я всех мертвых призову» и проч. [3])

Описанные явления встречаются не только у русских сектантов: Д. Г. Коновалов привел в своем исследовании многочисленные параллели из практики европейских, американских и азиатских мистических сект. Таким образом, Василий Никитич вмещает в себе черты, типичные для всех сектантов. Г-н Х. вначале изображает Василия, как человека, обладающего „значительной магнетической силой“: „действуя, конечно, непонятным для меня способом, на мои нервы, он так ясно, так определенно возбудил во мне образ старика (Дессера), о котором я думал, что мне, наконец, показалось, что я его вижу перед глазами“. Через два года, «долго размышляя» о виденном на постоялом дворе, он пришел к выводу; «мой магнетизер стал окончательно юродивым. Вот куда повернула его та сила, которую нельзя было не признать в нем». Итак, и сам г-н Х. признает, что юродивый обладает *силой*, «удивительной и таинственной» в первом случае, *силой*, способной влиять на людей и впоследствии. Сила эта—особое повышенное состояние духа, переходящее в экстаз—казалась мещанке Мастридии проявлением в нем «милости великой» («это... свыше»); в глазах хозяйки постоялого двора—даром Божиим, посетившим „блаженного“, „святого человека“, могущего сказать „спасительное словцо“. Следовательно, Василий Никитич был в состоянии проявлять все те признаки экстатического возбуждения, что автор преиму-

---

[1]) Ср. ритм бегунского стиха: Слава, слава в вышних Богу.

[2]) О. С. стр. 252—254 Ср. о Касьяне „то молчит как пень, то вдруг заговорит—а что заговорит, Бог его знает. Разве это манер“,—спрашивает Ерофей.

[3]) П. Мельников приводит одно „пророчество“ след. содержания: „Слушай, брат... я тебя не оставлю... Я, Бог, тебя награжу—хлеба вволю урожу, будешь есть, пить, меня Бога хвалить; станешь хлебец кушать, Евангелие слушать“ и т. п. „Белые голуби“, стр. 379—380.

щественно вскрыл при встрече с ним на постоялом дворе, не только в этом „юродивом“ периоде своей жизни, но и ранее, когда он еще жил в Т..., когда его силой пользовалась Мастридия в корыстных целях. [1]) Автор пытается „научно“ об'яснить факт, вызванный „силой“ Василия—появившуюся перед его глазами фигуру гувернера Дессера: „науке известны подобные „метастазы“ — перестановления ощущений“, говорит он. Но среди сектантов наблюдаются сравнительно схожие явления, так что факт, описанный автором, легко может войти в категорию тех, о которых повествуют историки мистического сектантства [2]). Словом, то психо-физическое состояние Василия, которое в повести представлено в различные моменты, как будто отличающиеся между собой по существу, должно быть рассматриваемо, как акт единичный, слитный. С этой точки зрения образ Василия Никитича—один из наиболее ярких в галлерее мистиков-сектантов, которыми так обильна наша повествовательная литература. [3])

Появление «Странной истории» в 1870 году лишний раз подчеркнуло чуткость И. С. Тургенева к современной ему русской действительности, несмотря на то, что он редко бывал на родине и не раз говорил: «заграницей положительно нельзя писать русских повестей». [4])

В нашем обществе стал обнаруживаться более или менее значительный интерес к мистическому сектантству незадолго до тургеневской повести: в специальных богословских журналах („Православный собеседник“) труды, посвященные сектантству, стали печататься с конца 50-х годов; материалы, собранные В. Кельсиевым, были опубликованы за границей в 1861—62 г. г.; доступные же широким кругам читателей статьи и книги появились в самом конце 60-х и начале 70-х годов—таковы, напр., были статьи П. Мельникова в «Русском Вестнике» «Тайные секты» (1868) и «Белые голуби» (1869), сочинения И. Добротворского «Люди Божии» (1869), Н. Реутского «Люди Божии и скопцы» (1872).

---

[1]) Важное значение имеют слова Ардальона, трактирного слуги в Т...: Василий „безсловесный, но в божественности очень силен“.

[2]) Д. Г. Коновалов, о. с., стр. 205.

[3]) Заслуживает внимания письмо Тургенева А. М. Жемчужникову 17/5 июня 1870 г.: „Странная история“—вещь, которая требовала развития, основания психологических мотивов, я ее скомкал, частью от лени, частью от отвычки“ (Рус. Мысль 1914, 1, отдел XVIII, стр. 135). Если бы авторский план был завершон, перед нами могли пройти страницы, подробно развернувшие как историю религиозных исканий Софии Б.—„молчальницы“, так и ближайшие причины, толкнувшие Василия Никитича на путь „юродства“.

[4]) «Русская Старина» 1902, сент. стр. 509. Ср. те же признания в письме к А. М. Жемчужникову. „Рус. Мысль“ 1914, 1, стр. 135. Ср. также в письме к А. А. Фету от 28 ноября 1864 г.: „я очень и телом и душой отстал от России“. Мои воспоминания, ч. II, стр. 52.

Наиболее значительное беллетристическое описание мистического сектантства,—роман П. Мельникова «На горах»,—относится к середине 70-х годов (1875—1881).

В том же 1869 году, когда была написана повесть, И. С. Тургенев обратился к своим «молодым собратиям» с напоминанием слов „нашего общего учителя" Гете о необходимом для писателя даре „уловления", „схватывания" жизни. [1]) И. С. Тургенев, автор «Странной истории» исполнил завет своего учителя: он «схватил» одно из характернейших движений русской народной религии и хронологически попадал своей повестью в круг интересов современного ему общества.

III.

Через несколько месяцев после появления «Странной истории» И. С. Тургенев снова коснулся той же темы о русском сектантстве, но на этот раз бегло, случайным штрихом. В повести «Степной Король Лир» (1870) [2]) он знакомит нас с Евлампией Харловой, ставшей сектанткой-хлыстовкой, главной руководительницей общины—„богородицей". Тургенев дает любопытное описание дома богослужебных свиданий этой „тайной" секты: то был „одинокий, у перекрестка двух дорог обнесенный высоким и тесным частоколом" дом; „в нем было что-то таинственное, замкнутое, угрюмо-немое, что-то напоминавшее острог или больницу. С дороги только и можно было видеть, что его крутую темной краской выкрашенную крышу. Во всем заборе находились одни ворота, и те казались наглухо запертыми; никакого звука не слышалось никогда за ними. Со всем тем вы чувствовали, что в этом доме непременно кто-нибудь обитает: он вовсе не являл вид заброшенного жилья. Напротив, все в нем было так прочно и плотно и дюже, что хоть осаду выдерживай". Из этого-то дома выехала тележка, в которой рядом с мужчиной «замечательно красивой и благородной наружности» сидела «женщина высокого роста, прямая как стрела. Голову ее покрывала дорогая черная шаль; одета она была в короткий бархатный шушун оливкового цвета и темносинюю мериносовую юбку; белые руки, чинно сложенные у груди, поддерживали друг дружку».

„Не спеша" выкатила тележка на дорогу; „степенно" правит мужчина; „откормленный" конь с „могучей" головой, „расписная дуга"; „дорогая" одежда ехавшей женщины, ее „белые" руки, „чинно" сложенные у груди,—все в этом

---

[1]) Сочинения, т. XII, стр. 100, т. II, стр. 111. Ср. в рецензии „Зари" 1870 № 4: „Следует предположить, что рассказ этот написан Тургеневым давно и почему-нибудь долго лежал в его портфеле... Нельзя допустить, что в нашем минувшем возможно было проявление религиозного чувства в такой форме" (стр. 141, отдел „Критические заметки о текущей литературе").

[2]) Повесть „Странная история" была закончена 10 сентября, а 25 сентября Тургенев уже приступил к работе над „Степным Королем Лиром" и закончил ее 16 июня 1870 г.

описании, каждая деталь говорит о прочном, твердом, имеющем свои нерушимые правила быте, живущем особой жизнью. Управительница „Корабля“ (общины), главный руководитель хлыстовского радения, „богородица“ пользуется в этой секте исключительным авторитетом. По словам автора, когда-то видавшего Евлампию Харлову и, теперь спустя много лет встретившего ее (женщина в тележке—была дочь Мартына Петровича Харлова), выражение ее лица сильно изменилось: „трудно передать словами—говорит Тургенев—до чего оно стало самоуверенно, строго, горделиво. Не простым спокойствием власти—пресыщением власти дышала каждая черта в небрежном взоре, который она на меня уронила—сказывалась давнишняя, застарелая привычка встречать одну благоговейную, безответную покорность. Эта женщина—очевидно жила, окруженная не поклонниками, а рабами; она, очевидно, даже забыла то время, когда какое-либо ее повеление или желание—не было тотчас исполнено. Что толкнуло ее вступить в секту хлыстов, автор не указывает, хотя и бросает намек, говоря о „чувственном складе“ ее натуры,—но „Лировское“, наследственно-отцовское начало явно сказалось в стремлении занять роль „матушки“, „богородицы“... [1])

„Кто знает, быть может, она основала толк, который назовется—или уже теперь называется, по ее имени—Евлампиевщиной? Все бывает, все случается“,—таким прогнозом судьбы Евлампии Харловой заканчивается повесть[2]).

IV.

Три повести Тургенева вводят читателя в мир русского сектантства. Между первой, появившейся в 1851 году, и двумя последними, напечатанными в 1870 году, лежит значительный промежуток времени. И личная жизнь, и мировоззрение автора во многом могли измениться за эти два десятилетия...

Каждый писатель пытается художественным образом уяснить себе свое отношение к миру, решить волнующую его задачу. Как бы ни были „об‘ективны“ те или иные созданные им поэтические видения, авторские симпатии невольно окрасят их суб’ективной окраской—и лицо художника выглянет то любящим, то недоуменным, гневным:.. Что побуждало Тургенева пристально вглядываться в душевный мир Касьяна, Василия? Каким его запросам отвечали эти образы? В чем сказывается интимно-личное в его отношении к ним? Мы уже говорили, некоторые стороны личности Касьяна встречали родственный отклик в душе Тургенева. Но „с изумлением“ вслушивался и всматривался он в Касьяна не потому, что тот восторженно воспринимал красоту природы—

---

[1]) Ср. слова Викулова о ней: „строгая, говорят, такая... Командирша. Тысячами ворочает“.

[2]) Ср.: Хлыстовская секта Лазаревщина названа по имени ее основательницы Арины Лазаревны. (П. Мельников. „Белые Голуби“, стр. 335). Была также секта Акулиновщина.—

у автора „Записок Охотника“ было уже давнее знакомство с поэтическими натурами из крестьянского мира (Калиныч— образ, созданный в 1847 году), да и книжная, „обдуманно-торжественная“ речь Касьяна, вызвавшая первоначальное удивление Тургенева, вряд ли могла притянуть длительный интерес к нему писателя: грамотеи-мужики обычно говорят складно-церковным стилем.

Образ Касьяна-странника поразил Тургенева тем, что в крестьянине он нашел созвучные настроения собственным, глубоко-интимным переживаниям. Вспомним несколько фактов из жизни Тургенева конца 40-х, начала 50-х годов.

Эти годы русской общественной жизни он представлял себе „темной тучей, постоянно висевшей“ над всем мыслящим в России. Чувство „негодования, отвращения“ вызывало в нем „почти все, что он видел вокруг“. „Страх и приниженность общественных кругов, начальственные, казарменные окрики сверху и „скала-крепостное право“ внизу, — таково было общее представление Тургенева о родной действительности. Невольно возникало желание „оттолкнуть от себя всех и вся“, даже рискуя потерять многое из того, что было дорого и близко сердцу, зарождалось стремление „насильственно перервать все связи и нити“... Тургенев *бежал*, „удалился от своего врага“ в 1847 году и нашел „возрождение“ в „немецком море“, куда „бросился вниз головою“... Там, в Европе, на него находили „тяжелые минуты раздумья: вернуться ли на родину или нет?“ [1]. В 1850 году, когда он приехал в Россию, под влиянием общественной реакции ставшей еще более черной после 1848 года, решение „отвернуться разом“ от „родной почвы“ могло лишь окрепнуть в Тургеневе, и строки, незадолго перед тем написанные г-ну Виардо: „Конечно, отечество имеет права, — но истинное отечество не там ли, где встретил к себе наиболее любящее отношение, где сердце и ум чувствуют себя свободно?“ эти строки получали новый углубленный смысл, крепкую поддержку в фактах окружавшей жизни... Признания И. С. Тургенева чрезвычайно знаменательны: протест против современного порядка он мыслит в форме эмиграции, бегства, странничества... В том же направлении — он видит — работает мысль Касьяна и „многих других“. Как же не заинтересоваться этим явлением из *несвоего круга*? Тургенев знал, что многие обрекали себя на *бегство* из России — но это все были люди интеллигентного мира: Печерин, Бакунин, Герцен; в этой среде трагически становился вопрос о спасении своем *вне* ро-

---

[1]) „Литературные и житейские воспоминания“. Сочинения, т. XII, стр. 5, 6. Ср. еще признание Тургенева: „Я колебался возвратиться в отечество и уже задумался о том, как бы сделаться политическим эмигрантом“. „Рус. Старина“ 1883, Октябрь, стр. 207.

дины, [1])—подобные же настроения, оказывается, зрели и принимали определенную форму в *народной* среде. Барин и мужик, выделившиеся из „хора“, сходились на одном решении — *политическая эмиграция и сектантское бегунство* смыкали во едино два звена. Этот факт был нов и неожидан для Тургенева. [2]) Вот где, по нашему убеждению, коренится особый интерес его к Касьяну и чувство тайной симпатии, разлитые в рассказе: Касьян был интимно близок Тургеневу *сущностью* своего мировоззрения. Искатель страны, где „всяк живет в довольстве и справедливости“, восклицавший „а впрочем везде хорошо“ — лишь было бы светлое солнышко да свободные дали до „самых теплых морей“ да „правда“ в людях, Касьян был духовным братом Тургенева с его жаждой „истинного отечества“, где царствует любовь и свобода... [3])

Об'ективные факты русской жизни, о которых Тургенев мог узнать от И. С. Аксакова, от знакомых, из правительственных распоряжений, [4]) помогли ему оформить, осознать того неведомого нам реального Касьяна, который лег в основу литературного героя. Но симпатия к нему и настойчивое желание узнать о своем Касьяне *все*, большее количество подробностей, чем дала случайная охотничья встре-

---

[1]) Ср., напр., настроения Огарева в стихотворении „Ночь“:

... Под диким гнетом изнывая,
Томится русская земля...
И тесно, тяжело дышать,
И хочется бежать, бежать,
Куда-нибудь уйти скорее,
От этой жизни пытки злее,
Из этой грязи вековой,
От этой родины святой.

[2]) Представляется заманчивой задача проследить идеологические совпадения между „верхами“ и „низами“ нашего общества приблизительно в одни и те же исторические моменты: масонство и мистическое сектантство в XVIII веке, эмигрантское движение и бегунство, рационалистические секты и толстовство, религиозные искания народных масс конца XIX в. и Петербургское религиозно-философское общество (см., напр., любопытные данные о связующей роли Д. Мережковского между этим обществом и сектантами в очерках Пришвина „У стен града невидимого“,) — все явления при многих расхождениях одного духовного порядка, подтверждающие родственность и одновременность исканий интеллигенции, выделяемой всеми классами общества.

[3]) То обстоятельство, что идеология Касьяна разрушала коренные основы современного социального порядка, Тургенева не пугало: он еще в 1845 году был убежден, что „разложение элементов, составляющих общество — не всегда признак смерти“... Полное собрание сочинений И. С. Тургенева, т. X, 3 издание, стр. 290.

[4]) 1850 Сентября 1. По доведении шефом жандармов до сведения государя императора, что крестьяне разных ведомств Саратовской губ. из раскольников покидают свои жилища и толпами бегут заграницу, его императорское величество повелеть соизволил... отнюдь ни под каким предлогом не допускать этих переселений... и проч. В. Кельсиев, о. с. вып. II, стр. 181.

ча, коренятся в психологических переживаниях И. С. Тургенева, роднящих автора с его литературным детищем: так, из-за Касьяна с Красивой Мечи, Касьяна-*бегуна* глядит на нас лицо Тургенева, думавшего о *бегстве* из России [1]).

По поводу повести „Странная История“, вскоре после появления ее в печати, между И. С. Тургеневым и М. В. Авдеевым возникла любопытная переписка. Вот что ответил Тургенев на письмо Авдеева исполненное ряда критических замечаний о героине повести: „Странная История“, о которой вы говорите — безделка, — да я и не способен теперь на большее, но неужели вы до того потонули в современности, что не допускаете никаких *не* современных типов? — Я *„отстал“ — с своей Софи* — еще бы! да я, пожалуй, еще дальше назад хвачу: — *Софи не возбуждает ничего кроме презрительного сожаления*, и этого, пожалуй, еще мало. Неужели каждый характер должен непременно быть чем-то в роде прописи: вот, мол, как надо, поступать? Подобные лица жили, стало быть, имеют право на воспроизведение искусством. Другого бессмертия я не допускаю; а это бессмертие, бессмертие человеческой жизни — в глазах искусства и истории лежит в основании всей нашей деятельности. Вы находите, что я увлекаюсь мистицизмом, и приводите в пример эту „Историю“;... но могу вас уверить, что меня исключительно интересует одно: физиономия жизни и ее передача, а к мистицизму во всех его формах я совершенно равнодушен [2])“.

В этом письме Тургенев горячо защищает свои права писателя-реалиста, особенно дорожит *об‘ективной* стороной своего дарования. Ему нужно только „правдивое“ воспроизведение „физиономии жизни“... Но мог ли Тургенев так глубоко запрятать свое я, чтобы оно потонуло в типической правде жизни? Ведь, по адресу Софи он проявляет свое личное определенное отношение: ему жаль ее, что она по-

---

[1]) Может быть, в вовлечении Тургеневым Касьяна в мир своих, симпатичных героев сыграли роль некоторые литературные реминисценции: еще в 1836 году Тургенев „умилялся мысленным зрелищем смиренного приюта отшельников“, слушающих „трогательные рассказы о св. царевиче Иосафе, оставившем царство земное для небесного“, удалившихся в пустыни, в леса ради любви к Богу. Сочинения И. С. Тургенева, т. X, 3-е издание Глазунова. Спб. 1891, стр. 263, 246. В. Жирмунский делает предположение, что Тургенев подошел к „крестьянам-романтикам, Калинычу, Касьяну и Лукерье“, приобщенный к исканиям религиозного, мистического немецким романтизмом. „Рус. Мысль“ 1914, кн. VII, отдел XIX, стр. 33.

[2]) Из письма 25 января 1870 г. „Рус. Старина“ 1902, сентябрь, стр. 497. Ср. в письме к А. И. Герцену 28 апреля 1862 г. „В мистицизм я не ударился и не ударюсь“. Письма К. Дм. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену. Женева. 1892, стр. 446. Ср. также письмо к А. М. Милютиной от 22 февраля (6 марта) 1875 г. („Рус. Старина“. 1884, янв., стр. 193): „более всего интересуюсь живою правдой людской физиономии; ко всему сверх‘естественному отношусь равнодушно“...

шла именно *этим путем*, — но подвиг, совершенный ею, ее страстная жажда „самоотвержения, уничижения", превращенная из *слов* в *дело*, вызывают в нем чувства „удивления, даже уважения" к „бедному загадочному существу". Тургенев дает оценку и Василию Никитичу: „оборванный, грязный, одичалый, он внушал мне еще больше отвращения, чем ужаса"; „полусумасшедший бродяга", „отталкивающая фигура божьего человека", — таково его отношение к „юродивому" Василию. Но эти чувства, эта оценка героя *странной истории* — признания Тургенева-человека: как писатель, он их подавил в себе и, действительно, имел право говорить о созданной им „правде жизни". „Юродивый" вызывает с его стороны „отвращение" к себе — да, но тот же Василий дает свет и тепло душевному миру других людей: хозяйка постоялого двора видит в нем „блаженного", могущего сказать „спасительное словцо", он для нея „родименький", она, „подобострастно" рада помочь ему, „благоговейно взирает на него", с „глубочайшим вниманием" слушает его и, конечно, долго будет его помнить, взволнованная, что „вот и нас посетить изволил святой человек"... [1]) София Б., Магдалина — по словам самого автора, вся ушла в подвиг самоотверженного служения: она „разматывает онучи" юродивого; „пальцы ее скользили по загрязненной осклизлой коже" сапога, который она „силилась" стащить с ног Василия; она „долго возится с его больной ногой"; она, „тщедушная" не щадит себя и в дождь, с котомкой на плечах, шагает „по черной, уличной грязи", сопровождая юродивого в его странствии... И на лице ее „решительное, почти смелое, сосредоточенно-восторженное выражение. Детского в этом лице уже не оставалось ни следа"... Пред нами сложившийся человек, нашедший себя, безраздельно покорившийся „вождю", указавшему ей назначение ея жизни... „Она искала наставника и вождя, и нашла его... в ком, Боже мой!" — недоуменно восклицает автор и, верный „правде жизни", *об'ективно* показывает, ничего не пытаясь доказать: вот что бывает, такова „физиономия жизни"... Тургеневу нельзя отказать в искусстве самозащиты перед товарищем по перу, М. В. Авдеевым: на замечание последнего об *отсталости* Софи от жизни он не указал, что как раз в половине XIX века стало заметно оживление сектантства и интереса к нему И. С. Тургенев заявил о праве писателя на правдивое воспроизведение „каждого характера", вне обязательной связи с текущими политическими и социальными темами. С конца 60-х годов это убеждение стало коренным в Тургеневе, признание „права и уместности разработки чисто психических вопросов" особенно близким. Таким образом, Тургенев, расширяя сферу

---

[1]) По словам Ардальона (дважды сказанным) «большое от купечества к ним (т.-е. к Василию) уважение». Тот же слуга называет Василия «великой премудрости человеком».

явлений, подлежащих ведению художника, как будто отстаивает перед М. В. Авдеевым свое право на *об'ективное* творчество, не пронизанное веянием времени, текущей злобой жизни. Но то обстоятельство, что он выдвигает „чисто психические вопросы“, разве не свидетельствует о какой-то *суб'ективной* причине интереса к этой теме? Другими словами, И. С. Тургенев, об'ективно изображая „физиономию жизни“, не выявлял ли в то же время *своего лица* в выборе данной темы? Какой же смысл он видел в своей „Странной истории?“ Какой личный интерес задевала в нем эта повесть?

В „Странной истории“ для автора многое странно, непонятно: странно, как могла „хорошо воспитанная, молодая, богатая девушка бросить все и всех“ и „пойти вслед полусумасшедшему бродяге“; странно, что некая „таинственная, удивительная сила“ избрала своим сосудом „грязное, одичалое, отталкивающее“ существо; странно, что „безсмысленный взор“ принадлежит тому, кто может стать „наставником и вождем“. „Я ничего не понимал,“ — признается автор после долгого „раздумья“ о всем виденном, слышанном. Тургенев давно уже, не только в период создания „Странной истории“, многое находил в жизни странным, видел *странные истории*: „тайны человеческой жизни велики“, — писал Тургенев в 1833 году („Несчастная“)[1]; „по-настоящему, в жизни случается одно только неожиданное“ —признавался он в 1855 году („Переписка“)[2]. „Неведомое“ давно уже занимало творца „Призраков“ (1863); размышления о „тайной игре судьбы“ посещали И. С. Тургенева задолго до „Странной истории“ („Фауст“ 1855). Если думы о таинственном, властно вмешивающемся в людскую жизнь, стали крепнуть в Тургеневе с 60 годов и с этого времени чаще облекаться в итоги—формулы философского и образно-художественного склада[3]), то Тургенев в своих поэтических писаниях значительно ранее стал набрасывать покров таинственного на людские отношения[4]).

Иррациональное, не поддающееся точному учету разума, невместное „с нормальным“, ломающее логически не-

---

[1]) Ср. „Мало ли чего не бывает?“. („Странная история“). „В жизни человеческой скрываются тайны — странные тайны“... („Андрей Колосов“ 1844).

[2]) Я уже не с нынешнего дня убедился в том, что в жизни только невозможное возможно, только невероятное правдоподобно — писал Тургенев графине Ламберт 19 июля 1861 г.

[3]) 1863 „Призраки“, 1864 „Довольно“, 1866 „Собака“, 1868 „Несчастная“, 1870 „Стук... стук.. стук“.

[4]) Для понимания Тургенева ранней поры имеет важное значение впечатление С. Т. Аксакова, осевшее в его душе после первой встречи с автором „Записок Охотника“: „На днях я познакомился с Тургеневым — писал С. Т. Аксаков 29 декабря 1849 г. своему сыну, Ивану Сергеевичу — и он мне очень понравился; натура его — суеверно доступная впечатлениям темного загадочного мира души человеческой“. И. С. Аксаков в Ярославле. Сообщил А. А. Дунин. „Рус. Мысль“ 1915, кн. VIII. Отдел XVI, стр. 125 (курсив наш).

обходимые явления, швыряющее людей, как песчинки, против их воли, делающее из них рабов, трепетно замирающих перед тем, что не достойно уважения, охватывающее их столь могучей страстью к тем или иным кумирам, что разрывают они все связи с прошлым, настоящим и, одержимые избранной идеей, стихийно влекутся ею,— эта тема сквозит во всех почти произведениях Тургенева, начиная с самых ранних: „Нахлебник“ (1848), „Два приятеля“ (1853), „Затишье“ (1854), „Переписка“, „Фауст“ (1855), „Накануне“ (1859), „Первая любовь“ (1860), „Дым“, „Бригадир“ (1867), — во всех этих этюдах внимательный читатель найдет проявления „тайной игры судьбы“. Иррациональная стихия — образно говорят указанные произведения — носится повсюду: *любовь*, *свобода*, *искусство* — ее формы, нередко избирающие среди людей тех, кто, казалось бы по „здравому смыслу“, не заслуживал этого выбора. Почему Корина избрала Кузовкина? Елена — Инсарова? Алексей Петрович С... — танцовщицу? Любовь восставшей против тирании мужа пала на забитого приживальщика; лучи свободы золотят безталанного, отрывающего от родины „славную девушку“; „скудная умственными способностями“ приводит толпу в восторг... Почему?

„Странная история“ присоединила к „таинственным силам“, то испепеляющим, то окрыляющим человека, еще одну — *религию*: в лице Софии Тургенев образно уяснил себе победную мощь религиозного энтузиазма, сжигающего без остатка личность, жаждущую отречения, самопожертвования, уничижения; образом Василия он устанавливал для себя таинственный закон заразимости религиозным экстазом, увлекающим массы, без наличия высокого интеллекта в „вожде“, пророке, основателе толка, секты...

Во всем „тайная игра судьбы“—такова была философия жизни Тургенева, бросающая отсвет на его раннее и предсмертное творчество.

Повесть „Странная история“ входила в круг давних и прочных раздумий Тургенева. Об‘ективный создатель ее героев, он правдиво зарисовал „физиономию жизни“, но не утаил и своего лица: агностик, недоуменно-стоящий перед загадками мира, непонимающий *странных историй*, творимых „таинственными силами“ жизни—в частности *религией*—таково лицо Тургенева, автора „Странной истории“... [1])

V.

Мы вскрыли тайные, интимные нити, связывающие Тургенева с его героями; увидели, как об‘ективные явления жизни преломлялись в его духовном мире, и убедились в его изумительном умении быть верным „правде жизни“, чутким к ее веяниям. Художник-летописец русского общества, на

[1]) Те же соображения относятся к заключительной главе повести „Степной Король Лир“.

страницах своей поэтической хроники давший место людям всякого звания—интеллигент, безграмотный, дворянин, крестьянин, дворовый, купец, мещанин, статские, военные, бюрократы и неслужащие, студент, священник,—кого, кого нет в этой хронике?—И. С. Тургенев вписал в нее страницы, посвященные религиозным движениям русского народа, играв шим в его истории такую значительную роль.

Образ *сектанта* должен занять в портретной галлерее Тургеневских писаний *свое*, заметное место: без него она была бы неполна, ущербна....

Я подчеркиваю, что Тургенев в своих повестях зарисовал не только людей, алчущих веры, насыщенных религиозными устремлениями: формы проявления веры, религиозных исканий Касьяна, Василия, Софии Б., Евлампии Харловой даны в *сектантской окраске*. В ряду признаков, отделяющих сектанта от религиозно ищущего человека, главными считаются два: 1) отпадение от господствующей церкви и 2) участие в общине, организации. Антицерковность Касьяна Тургенев имел в виду, выбросив из текста „Современника" известные нам строки, а намек на странноприемничество, как на „занятие" Касьяна, чувствуется в той картинке, когда на вопрос барина, чем он промышляет, Касьян „не тотчас ответил"... „взгляд его забегал на мгновенье": „*живу, как Бог велит*". Одной из обязанностей „жилового" странника—Христова человека—было помогать укрывательству сектантов, что, повидимому, временами и делал Касьян. Связи его с „добрыми людьми", научившими его читать, указания на „добрых хрестьян", которых он знает по своим странствиям, необходимость иметь приют в тех многочисленных городах, где он бывал, что без ранее известных адресов вряд ли было возможно для него, крепостного, бедняка—все это говорит в защиту нашего утверждения. Евлампия Харлова—„богородица", т.-е. не только участница сектантской общины, но и главная руководительница „корабля". Если для Софии Б. не указано второго признака, определяющего ее, как сектантку, то об отпадении ее от церкви говорит следующая сцена: „Позвольте,—говорит ей г-н Х.—Вы желаете наставника... а духовник ваш на что? София холодно посмотрела (на него).—„Вы, кажется, хотите смеяться надо мной. Батюшка мой духовный говорит мне, что я должна делать; но мне нужен такой наставник, который сам бы мне на деле показал как жертвуют собой". Эти слова ясно говорят, что в церкви она не нашла удовлетворения своим религиозным порывам, что церковное „оіщепенство"—существенная черта героини „Странной истории". Есть намек, указующий, что аскеза Софии Б. не только ее индивидуальное дело: ее страх, когда она спешит уйти с Василием—„*здесь опасно*", как будто говорит об ее участии в том деле, которое выходит за пределы ее личного подвига. Важно отметить, что и самая форма избранной ею аскезы—странствие с „юродивым"—скорей может быть отнесена к „общинной", чем строго индивидуаль-

ной аскезе (ср. ее позднейшее неприятие мира, выразившееся в том, что она сделалась „молчальницей").

Прямых указаний на церковное отщепенство и участие в сектантской организации Василия Никитича повесть не дает, хотя манера креститься, иконографическое представление о Боге („глаз в треугольнике чей"), божественное самоутверждение („*я* всех мертвых призову") скорее уводят его от православной церкви, чем связывают с ней, дают материал для суждения, что Василий, если и „силен в божественности", то святотатственный с точки зрения церковной ортодоксии. А главное, его религиозные переживания даны в такой форме, что невольно приходишь к заключению, что так называемые „пророки" на сектантских радениях не иначе проявляют свой религиозный экстаз, как Василий Никитич, что более совершенное воплощение религиозного экстатика трудно найти в любом „корабле"....

Отсутствие в образах Тургенева той или иной детали, ценной с точки зрения историка сектантства, не может умалять правды и реальности их духовного бытия: поэтическое изображение никогда не бывает фотографически точным и применять к нему метод исследования, коим орудует историк, этнограф, ищущие точности, дорожащие каждой мелочью, можно лишь в том случае, если не сознавать отличия между поэтическим и научным изображениями жизни. Если я пытался собрать достаточно обильные „цифровые" иллюстрации к образам Тургенева, то с тем, чтобы уяснить в этом комментарии к художественным типам указанных повестей, как близки они к реально жизненному материалу, как „об'ективен" был творец их и верен заветам своих европейских и русских учителей от Гете до Гоголя и Белинского. Истолкователю поэта важно общее направление его мысли и интересов, а не точный подсчет совпадений между типовым и прототипным. Вот почему для историка художественного творчества Тургенева не существенно указание историка сектантства, что В. Радаев не был хлыстом, что те или иные признаки, характерные для идеологии секты, не включены поэтом в его образы: во-первых, *таково* было понимание сектантства современниками Тургенева, пусть ныне в некоторых частях считаемое ошибочным, а главное, *так* уяснил себе известные религиозные движения русского народа сам он, сам Тургенев, к тому же, как художник, знавший, что в произведениях искусства „надо уметь схватывать одни *характеристические* детали: кто все детали передает—пропал" („Первое собрание писем", стр. 490).

Если комментатор его творчества путем сопоставлений поэтических образов с реально-жизненными данными вскрыл, что первые не искажают вторых,—ценность изображений Тургенева, помимо их *поэтического содержания*, увеличилась об'ективно-бытовой значимостью.

Не тождественная во всех деталях с подлинником (что и не возможно и не нужно), поэтическая картина, нарисо-

ванная Тургеневым, „схватила“ типовое, жизненное, национально-русское явление так сгущено, с таким обилием „характеристических деталей“, что исследователь в праве остановить самое пристальное внимание на тех творениях, где автор коснулся важного и глубоко-значительного в народной жизни.

Есть еще одна сторона в значении изученных повестей, которой мы пока не касались в полном об'еме, но которая придает данным произведениям огромный интерес в связи с возможностью более глубоко уяснить личность Тургенева, мир его интимных переживаний.

Тургенев дважды, в разные периоды своей жизни, приближался к характерным проявлениям народной религиозной жизни—и оба раза оставался внутренно-чуждым биению религиозной мысли: *социально-психологический* интерес имели для него изображенные явления и лица (в своем итоге), но *не религиозный.* Сложное религиозное переживание Софии Б. его интересует не само по себе, а как настроение, психологически родственное революционной молодежи 70-х годов: „я не понимал поступка Софии, но я не осуждал ее, как не осуждал впоследствии других девушек, также пожертвовавших всем тому, что *они* считали правдой, в чем *они* видели свое призвание“. Тургенев сам чувствовал „слабый пункт“ повести „Странная история“ в недостаточном развитии и психологической обоснованности религиозных исканий Софи; вынужден был „скомкать“ свой этюд не из-за „лени“, а потому, что не нашел в себе источника религиозной настроенности. Холодным исследователем, без интимного интереса, подошел он к Евлампии Харловой, хлыстовке: душевный переворот на религиозной основе Тургеневу мало говорил или говорил то, что в сущности не имеет связи с религиозным опытом. Потугин, об'яснивший происхождение русского сектантства мотивами, ничего общего не имеющими с религиозными исканьями нашего простонародья („Видят люди: большого мнения о себе человек, верит в себя, приказывает—главное, приказывает; стало быть, он прав и слушаться его надо. Все наши расколы, наши Онуфриевщины да Акулиновщины именно так и основались. Кто палку взял, тот и капрал“), Потугин выражал, повидимому, тургеневские взгляды—не даром, автор „Дыма“ в словах своего героя видел „правду“....

Исследователи не раз касались вопроса „о религиозных исканиях“ Тургенева.

В изученных нами повестях имеется обильный материал для решения данной темы: в годы создания „Касьяна с Красивой Мечи“ и „Странной истории“ Тургенев обнаруживал глубокий интерес к религиозным типам, но то был интерес человека, внутренно-связанного, не находящего в себе интимно-близкого к тайникам чужой религиозной души.

Тем значительней облик Тургенева художника, оставшегося „свободным“, не погрешившим ни против правды жизни, ни против своей эстетической теории, защищавшей „живую правду“.

Книгоиздательство

Литературного Кружка „Никитинские Субботники.“

Вышли из печати:

1. **„СВИТОК“** № 1. Содержание: стихи **В. Казина, К. Лавровой, К. Липскерова, О. Савич, М. Цветаевой**; пьеса **В. Волькенштейна**; рассказы **В. Вешнева, А. Насимовича, А. Яковлева**, статьи и историко-литературные материалы, посвященные **Ф. М. Достоевскому и Н. А. Некрасову—Н. Броудского, Л. Гинзбурга, Л. Гроссмана, Е. Никитиной, И. Розанова, С. Шувалова**; хроника литературной жизни Москвы.

2. **„СВИТОК“** № 2. Содержание: стихи **М. Волошина, К. Лавровой, К. Липскерова, В. Мониной, С. Парнок, О. Савич, Б. Самбор, В. Федорова**; рассказы **Н. Ляшко, Б. Пильняка, В. Шимкевича**; статьи и историко-литературные материалы, посвященные **Тургеневу—Н. Бродского, Л. Гроссмана, Н. Гудзий, В. Португалова**.

3. **В. Волькенштейн**: Черный Рыцарь—пьеса в стихах.

4. **Н. Л. Бродский**: И. С. Тургенев и русские сектанты.

Готовятся к печати:

5. **„СВИТОК“** № 3. Содержание: стихи **М. Волошина К. Лавровой, К. Линскерова, О. Мандельштама, С. Порнок, О. Савич**, Рейнар Мария Рильке, пер. Гордона, с пред. Андрея Белова; рассказы **В. Вешнева, А. Насимовича, А. Яковлева**; статьи, посвященные новейшей поэзии,—**Ю. Айхенвальда, В. Волькенштейна, С. Боброва, Е. Никитиной** и **С. Шувалова, В. Перцова, И. Розанова, О. Савич.**

Типография МОГУБСОЮЗА, аренд. у МСНХ, Мясницкий пр., д. 2